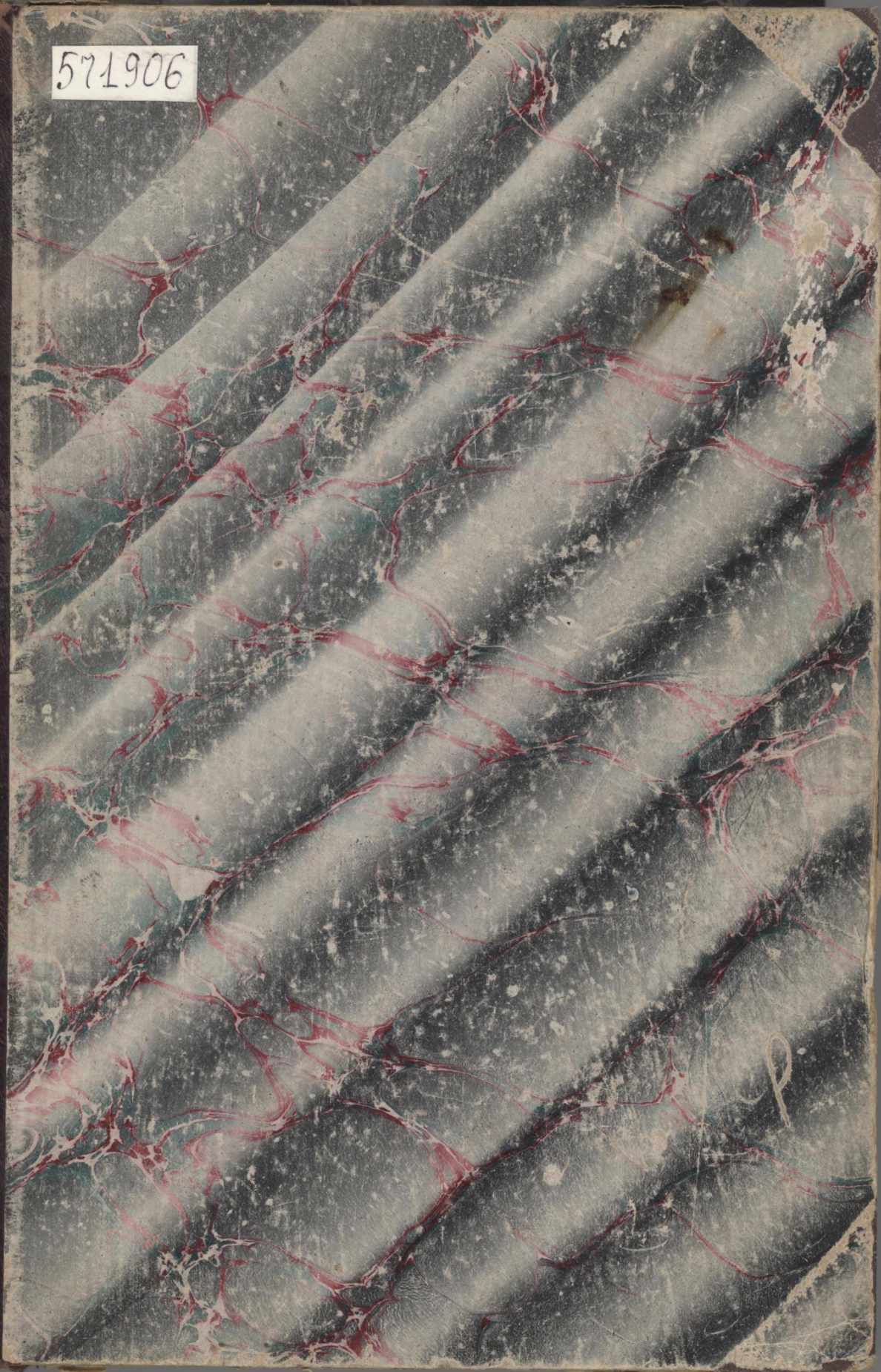
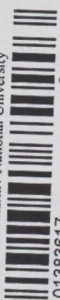

571906

V.N. Karazin Kharkiv National University

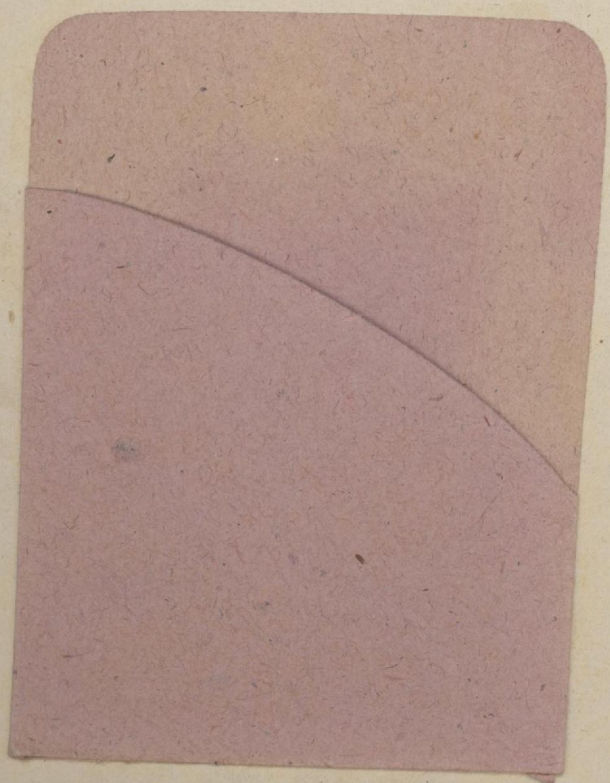

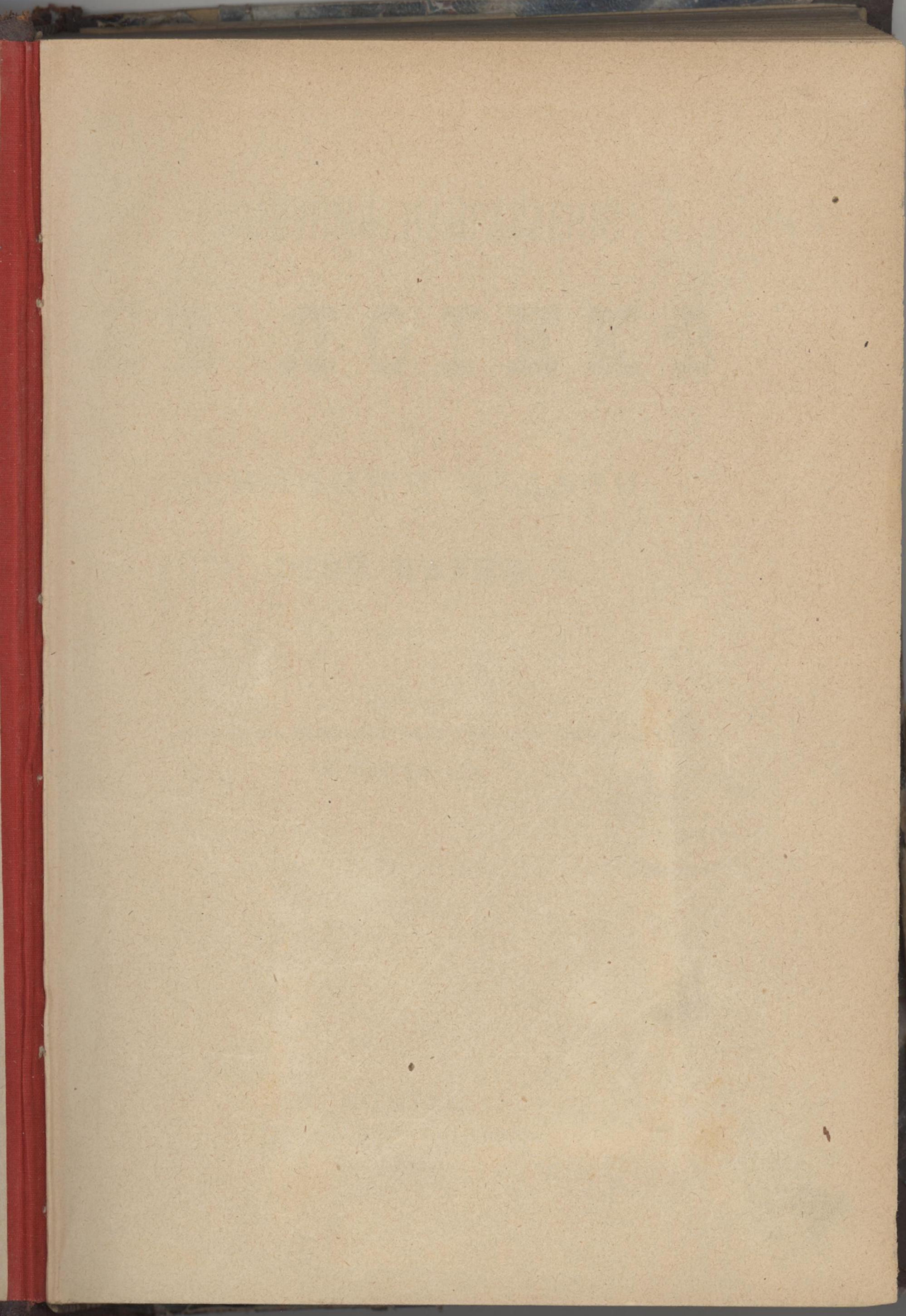
01383617

3

571906

РАЗЛИЧНЫЯ
НАПРАВЛЕНІЯ
ВЪ ЛОГИКѢ

5215 / 1974

у. 77 / 3425

РАЗЛИЧНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ
ВЪ ЛОГИКѢ

И
ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ

1910 / 1925+ ЭТОЙ НАУКИ.

СОЧИНЕНІЕ
приватъ-доцента ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго университета

П. Лейкфельдъ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890.

у. VI
3445

РАЗЛИЧНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЛОГИКѢ

И
ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ

ЭТОЙ НАУКИ.

СОЧИНЕНІЕ

приватъ-доцента ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго университета

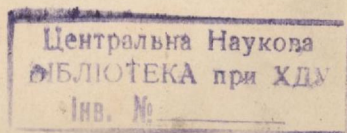
П. Лейкфельдъ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1890.

90645

1960
1925+

59

РІЗНІЙ НАПРАВЛЕНІ

ВЕРХНІЙ

II

ОСНОВНІ ЗАДАЧІ

ПОСТАНОВЛЕННЯ

На основані постановленія Историко-Филологического Факультета Харьковского Университета 23 Апрѣля сего 1890 года и согласно ст. 27 § 1 п. 4 и ст. 41 § 1 п. 4 печатать разрѣшается 1890 года Іюня 1 дня.

За Ректора Университета *В. Надлеръ.*

СОВѢЩАНІЕ

Принятъ постановленіе Историко-Филологическаго Харьковского Университета

Л. Мейснеръ

ХАРЬКОВЪ

Типографія Губернскаго Правленія

1890

Харьковъ В. Н. Каразіна
2011 р.

Харьковъ
1890

Съ первыхъ-же страницъ читатель увидитъ, что я далекъ отъ мысли образовать изъ логики что-то новое. Вся моя задача—разсматривая различныя такъ называемыя направленія въ этой наукѣ, сказать нѣсколько словъ въ защиту формальной логики, какъ ее разрабатываютъ еще со временъ Аристотеля, и, по возможности, точно и опредѣленно формулировать ея общія основныя задачи.

Обзоръ литературы науки логики, быть можетъ, въ моей книгѣ недостаточно полонъ, а иногда и отличается нѣсколько случайнымъ характеромъ. Но я воспользовался сочиненіями, какія могъ имѣть подъ руками, и все-же надѣюсь, что этого достаточно, чтобы правильно опредѣлить общій характеръ различныхъ направленій. Въ концѣ книги помѣщенъ списокъ сочиненій, которыми я имѣлъ возможность пользоваться и на которыя мнѣ пришлось ссылаться.

Наконецъ, позволю себѣ обратить вниманіе читателя на то, что въ книгѣ крупный шрифтъ часто смѣняется болѣе мелкимъ. Я имѣлъ при этомъ въ виду, чтобы сочиненіе можно было прочесть, такъ сказать, въ двухъ редакціяхъ: или въ полной, или, постоянно пропуская, что напечатано болѣе мелкимъ шрифтомъ и что представляетъ у меня, если можно такъ выразиться, справочную часть съ соответствующими разъясненіями и—замѣчанія добавочныя.

П. Лейнфельдъ.

ГЛАВА I.

	Стран.
Глава I	1
« II	24
« III	55
« IV	93
« V	143
« VI	271
« VII	318

1. Immanuel Kant: *Kritik der reinen Vernunft*, 2te Aufl. Bonn 1784. "Vorrede zur zweiten Auflage" p. VII et "Sammtliche Werke, herausg. v. J. H. v. Kleinknecht", Bd. II (Kant 20-23) Leipzig: Bd. 1897 p. 21-23. "Lectures on the History of the Faculty of Philosophy" par une société de professeurs et de élèves, T. II, Par 1801, pp. 1-100.

2. Immanuel Kant: *Kritik der reinen Vernunft*, 2te Aufl. Bonn 1784. "Vorrede zur zweiten Auflage" p. VII.

Carbon

I	I	Table
34	II	
55	III	
88	IV	
143	V	
172	VI	
218	VII	

ГЛАВА I.

Когда-то Кантъ объявилъ, что логика, «начиная съ Аристотеля, не могла сдѣлать ни одного шага назадъ»... и, съ другой стороны, «вплоть до нынѣшняго времени (т. е. до времени Канта) не подвинулась впередъ ни на шагъ» ¹⁾. Наука логики, какъ таковую, по крайней мѣрѣ, разрабатывали предшественники Канта, представляется послѣднему чѣмъ-то законченнымъ и неизмѣннымъ или, во всякомъ случаѣ, чѣмъ-то такимъ, что измѣнялось лишь несущественнымъ образомъ ²⁾, а потому, строго говоря, и не можетъ имѣть своей исторіи, — если вообще подъ исторіей науки разумѣть не библиографическій указатель, гдѣ перечислены въ хронологическомъ порядкѣ сочиненія, къ извѣстной области знанія относящіяся, а болѣе или менѣе подробное и тщательное разъясненіе тѣхъ (конечно, хотя сколько-нибудь существенныхъ, а не несущественныхъ) измѣненій и добавленій, которыя вносили въ данную науку въ разные періоды времени ея представители. Не будемъ говорить о томъ, насколько основателенъ или неоснователенъ подобный взглядъ; не будемъ разсуждать, насколько

¹⁾ Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794. «Vorrede zur zweiten Auflage» p. VIII; ср. «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4er Bd. (Hefte 20—21) «Logik». Brl. 1869 p. 22—23. — Спустя болѣе пятидесяти лѣтъ послѣ того, какъ «Критика чистаго разума» вышла вторымъ изданіемъ, извѣстный Французскій ученый В. St. Hilaire вполне согласился съ этимъ взглядомъ Канта (въ своей статьѣ подъ заглавіемъ «Logique», помѣщенной въ «Dictionnaire des sciences philosophiques» par une société de professeurs et de savants. T. III, Par 1847. См. p. 606).

²⁾ Imm. Kant „Kritik der reinen Vernunft“. 4-te Aufl. Riga 1794. „Vorrede zur zweiten Auflage“ p. VIII.

такое мнѣніе оправдывается литературой до-Кантовскаго періода и сочиненіями позднѣйшаго времени; не будемъ говорить о томъ, что въ другихъ мѣстахъ своей «Критики чистаго разума», а также и въ изданномъ Г. В. Jäsche специальномъ сочиненіи по логикѣ Кантъ признаетъ важныя измѣненія въ этой наукѣ не только возможными, но и желательными³⁾; скажемъ только, что авторы различныхъ логическихъ трактатовъ, какъ до Канта, такъ особенно послѣ него смотрятъ обыкновенно сами на все это совершенно иначе. Едва-ли не каждый изъ нихъ надѣется внести въ логику хотя что-либо новое, сдѣлать здѣсь хотя въ чемъ-либо измѣненія, — измѣненія, конечно, существенныя, а не такія, которыя лишены были-бы всякаго значенія⁴⁾. И дѣло доходитъ до того, что даже по вопросу о предметѣ и основныхъ задачахъ логики различные ученые ведутъ между собою непрерывные споры⁵⁾. Даже этотъ вопросъ постоянно рѣшаютъ и перерѣшаютъ вновь. Повторяемъ, не только по отношенію къ разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ логики, но даже по общему вопросу о томъ, каковы основныя ея задачи, — вопросу, который мы и предполагаемъ обсудить въ этой книгѣ, мы весьма часто встрѣчаемъ въ литературѣ нашей науки разногласія. Разногласія эти, быть можетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ только кажущіяся, но они настолько часты, что при весьма и весьма большомъ количествѣ сочиненій, посвященныхъ систематическому изложенію логики, трудно подобрать два такихъ, авторы коихъ соглаша-

³⁾ См., напримѣръ, разсужденія Канта о трансцендентальной логикѣ *ibid.* p. 79—82; также „Sämmtliche Werke“, herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. „Logik“ (Hefte 20—21). Berl. 1869 p. 17.

⁴⁾ Проф. Моск. ун. Н. Я. Гротъ въ своемъ сочиненіи: „Къ вопросу о реформѣ логики“ Лейпц. 1882, называетъ рядъ представителей нашей науки, которые прямо обѣщаютъ внести въ логику кое-что новое, и рядъ трактатовъ, гдѣ обсуждается вопросъ о реформѣ науки логики. См. стр. 5—9. Ср. Fr. Ed. Beneke „System der Logik, als Kunstlehre des Denkens“. Th. I. Berl. 1842 p. 1.

⁵⁾ Ср. Joh. H. Loewe „Lehrbuch der Logik“. Wien 1881. „Vorwort“ p. VI.—B. St. Hilaire много распространяется о томъ, какъ часто спорятъ даже относительно возможности логики вообще. См. „Logique“ („Dictionnaire des sciences philosophiques“ par une société de professeurs et de savants. T. III. Par. 1847) p. 599—600.

лись-бы одинъ съ другимъ исполнѣ въ опредѣленіи логики, ея предмета и ея основныхъ задачъ. Даже такіе ученые и мыслители, которые принадлежать къ одному и тому-же направлению, обыкновенно не соглашаются тутъ между собой относительно разнаго рода частныхъ.

Мы задаемся цѣлью опредѣлить основныя задачи науки логики.

Еще Аристотель требовалъ, чтобы всякое опредѣленіе понятія заключало въ себѣ указаніе на *genus proximum et differentiam specificam* ⁶⁾, и такой взглядъ раздѣляли и раздѣляютъ весьма многіе представители нашей науки. Не вдаваясь въ обсужденіе достоинствъ подобной логической формулы, скажемъ только, что мы въ данномъ случаѣ вовсе не стремимся составить опредѣленіе логики, да еще и опредѣленіе съ указаніемъ на *genus proximum et differentiam specificam*. Строго придерживаясь этой формулы, необходимо было-бы выработать, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ классификацію наукъ и такимъ образомъ опредѣлить *genus proximum* для логики, а тогда перейти къ разсмотрѣнію принадлежащей нашей наукѣ *differentia specifica*. Это повело-бы насъ слишкомъ далеко. Мы будемъ говорить только о *задачахъ* науки логики, о томъ, къ чему въ концѣ концовъ стремится логика, а не о томъ, что она такое и какъ слѣдуетъ правильно опредѣлить понятіе о ней. Нашей цѣлью будетъ только — болѣе или менѣе точно формулировать задачи нашей науки. И этого мало. Мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе разнаго рода частныхъ. Мы будемъ стремиться только къ тому, чтобы рѣшить, каковы основныя задачи науки логики.

⁶⁾ Aristotelis «Opera omnia» rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. Topic. lb. I cap. VI, 2 (Vol. III p. 59); ibid. lb. VI c. III (ibid. p. 275—281); ibid. lb. VI c. IV, 5 (ibid. p. 284); ibid. lb. VI c. VI, 2—4 (ibid. p. 292—293). Cp. Ad. Trendelenburg „Elementa logices Aristoteleae“. Ed. octava. Brl. 1878 p. 41—42 ibid. p. 145—151.

Но не одно и то-же говорить о томъ, какія основныя задачи логики, на самомъ дѣлѣ, преслѣдуетъ, и о томъ, какія задачи эта наука *должна* выполнить. Въ первомъ случаѣ вопросъ рѣшался-бы весьма просто. Нужно было-бы рассмотреть длинный рядъ сочиненій по логикѣ и сказать, къ какимъ цѣлямъ стремится авторъ каждаго изъ нихъ ⁷⁾. Гораздо труднѣе рѣшить, какимъ задачамъ *должна* быть посвящена логика. Конечно, и здѣсь литература нашей науки оказываетъ намъ громадную услугу. Но въ первомъ случаѣ каждое сочиненіе по логикѣ представляло-бы фактъ, который нужно только правильно описать; во второмъ — каждый трактатъ есть фактъ, который необходимо обсудить, чтобы на основаніи такого сужденія рѣшить въ концѣ концовъ, слѣдуетъ-ли смотрѣть на дѣло такъ, какъ смотритъ авторъ даннаго сочиненія, или какъ-нибудь иначе. Еслибы мы говорили о томъ, каковы на самомъ дѣлѣ, задачи логики, мы только должны были-бы сказать, что такой-то авторъ такого-то трактата стремится къ тому-то и тому-то, другой — къ тому-то и тому-то, третій и т. д., а затѣмъ распредѣлить эти взгляды по группамъ. И этимъ исчерпывалось-бы у насъ все. А когда мы хотимъ рассмотреть, какимъ задачамъ *слѣдуетъ* посвятить науку логики, мы должны, убѣдившись въ томъ, что такой-то авторъ такого-то сочиненія по логикѣ поставляетъ себѣ такія-то и такія-то задачи, рѣшить, ошибается-ли нашъ авторъ или смотритъ на дѣло правильно. И все это для насъ еще непосредственнаго значенія не имѣетъ. Подобный разборъ логическихъ трактатовъ долженъ привести насъ, если можно такъ выразиться, къ *общему* рѣшенію нашего вопроса. Мы въ этой книгѣ будемъ говорить не о томъ, какія задачи наука логики, на самомъ дѣлѣ, преслѣдуетъ, а о томъ, каковы *должны* быть основныя задачи этой науки.

Мы начнемъ прямо съ того, что рассмотримъ, какъ рѣшаютъ интересующій насъ вопросъ различные представители

⁷⁾ Быть можетъ, и пришлось-бы сказать, что не всѣ представители нашей науки понимаютъ задачи логики одинаково, но, во всякомъ случаѣ, вопросъ рѣшался-бы на основаніи простого изученія литературы нашей науки.

науки логики: сравнительное обсужденіе разнаго рода взглядовъ дать намъ, быть можетъ, возможность прійти къ такому или иному заключенію. И подобное сравнительное обсужденіе для насъ тѣмъ болѣе важно въ виду слѣдующихъ соображеній. Положимъ, мы опредѣлили-бы задачи нашей науки, а потомъ оказалось-бы, что никто никогда тутъ не стремился выполнить такіа задачи, какія мы указали. Насъ тогда справедливо могли-бы упрекнуть въ томъ, что мы названіе «логика» приложили неправильно, а задачъ логики, въ томъ смыслѣ, въ какомъ эту науку обыкновенно понимаютъ, все-же не опредѣлили. При рѣшеніи вопроса, какимъ основнымъ задачамъ должна быть посвящена логика, мы непремѣнно должны принять въ расчетъ историческое прошлое нашей науки, включая, конечно, сюда и сочиненія самаго позднѣйшаго времени. И самое большее, что здѣсь возможно сдѣлать, — это выяснить, въ какомъ отношеніи стоятъ одинъ къ другому различные взгляды на задачи науки логики, взвѣсить всѣ эти взгляды, выбрать тотъ, который заслуживаетъ наибольшаго одобренія и, быть можетъ, внести въ избранное опредѣленіе задачъ логики какія-либо поправки.

Какъ мы уже говорили, едва-ли не каждый ученый, едва-ли не каждый мыслитель высказывается о предметѣ и задачахъ логики по своему, не соглашаясь при рѣшеніи этого вопроса ни съ кѣмъ или, по крайней мѣрѣ, расходясь со всѣми прочими представителями нашей науки въ разнаго рода частностяхъ. Но если мы такіа частности оставимъ въ сторонѣ, какъ не имѣющія для насъ при опредѣленіи *основныхъ* задачъ науки логики кореннаго значенія, то всѣ сочиненія, составляющія литературу логики, распадутся на нѣсколько группъ по главнымъ общимъ направленіямъ, которыхъ придерживаются ихъ авторы. Мы и разсмотримъ, какія задачи преслѣдуютъ въ логикѣ представители различныхъ отдѣльныхъ школъ.

Впрочемъ, мы не будемъ подвергать подробному критическому разбору тѣ взгляды, тѣ, быть можетъ, иногда и, такъ сказать, сильныя теченія въ исторіи нашей науки, которыя сами говорятъ противъ себя. Будемъ останавливаться лишь на мнѣніяхъ, сколько-нибудь выдающихся.

Такая неточность, разъ вкравшись въ опредѣленіе науки логики, продолжаетъ встрѣчаться вплоть до послѣдняго времени, несмотря на то, что Латинскій языкъ уже давно пересталъ быть мировымъ языкомъ науки и Латинское слово «ars» употреблять перестали (мы говоримъ только о Латинскомъ словѣ «ars», а не о Французскомъ «l'art» и Англійскомъ «art», которыя, конечно, сродны съ Латинскимъ, да еще и отличаются отъ послѣдняго болѣе закрѣпившимся за ними значеніемъ «искусства», «умѣнія» — въ отличіе отъ «науки»). Логика Port Royal'a прямо озаглавлена: «La logique ou l'art de penser». Лейбницъ называетъ логику — «Kunst», «Vernunftkunst», «Denkkunst»³⁰⁾. I. Watts утверждаетъ, будто логика есть «l'art de bien conduire la raison dans la recherche et la transmission de la vérité»³¹⁾. Такимъ-же образомъ и Ph. Damiron³²⁾, а также и A. Charma³³⁾ прилагаютъ къ нашей наукѣ названіе «l'art». J. Simon, представивъ общее опредѣленіе логики, раздѣляетъ ее на двѣ части: «la science et l'art de la logique»³⁴⁾ причемъ онъ посвящаетъ второй отдѣлъ методологіи³⁵⁾. По мнѣнію Р. Уэтли, «логику... можно разсматривать, какъ науку умозаключенія, а также и искусство построить умозаключенія (as the Science and as the Art of Reasoning)»³⁶⁾. Наконецъ, Русскій ученый П. Лодій говоритъ въ одномъ мѣстѣ о логикѣ, какъ о какой-то «способности»³⁷⁾.

Характерно у представителей нашей науки, которыхъ мы перечислили, то, что они называютъ логику — «ars, l'art, art, Kunst, способность». Впрочемъ Латинское слово «ars» далеко не всегда употребляется строго въ смыслѣ «искусство», «умѣніе». Слово это

³⁰⁾ G. G. Leibnitii «Opera philosophica, quae exstant latina, gallica, germana omnia» ed. I. Ed. Erdmann. Brl. 1840. «Schreiben an G. Wagner vom Nutzen der Vernunftkunst oder Logik» S. 419; ibid. p. 426.

³¹⁾ I. Watts «Logique ou le légitime usage de la raison dans la recherche de la vérité», trad. par M. E. Jouffroy. Par. 1846 p. 1.

³²⁾ Ph. Damiron «Cours de philosophie. Logique». Brux. 1837. Préf. p. VI; ibid. p. 6.

³³⁾ A. Charma «Leçons de logique» Par. 1840 p. 6; ibid. p. 185.

³⁴⁾ A. Jacques, J. Simon, Ém. Saisset «Manuel de philosophie à l'usage des collèges». 2-me éd. Par. 1847 p. 183.

³⁵⁾ Jbid. p. 185.

³⁶⁾ R. Whately «Elements of Logic». Reprinted from the ninth (octavo) edition. Lond. 1875 p. 1.

³⁷⁾ П. Лодій «Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго». Спб. 1815 стр. 71.

весьма часто принимает и значеніе «науки». Казалось-бы такимъ образомъ, всѣхъ тѣхъ авторовъ разнаго рода логическихъ трактатовъ, которые прилагаютъ къ логикѣ Латинское названіе «ars», можно — самое большее — упрекнуть лишь въ томъ, что они вообще употребляютъ терминъ, имѣющій двойное значеніе, — терминъ, быть можетъ, нѣсколько сбивчивый. Но во Французскомъ языкѣ слово «l'art», въ Нѣмецкомъ — «Kunst», въ Англійскомъ — «art», наконецъ, въ Русскомъ — «способность» уже не имѣютъ такого двойнаго значенія. Эти слова служатъ прямо для обозначенія «искусства», «умѣнія» и только «искусства» или «умѣнія», а не — иногда «искусства» или «умѣнія», а иногда и «знанія», «науки». Такимъ образомъ авторы позднѣйшіе, несомнѣнно, смѣшиваютъ до нѣкоторой степени понятіе о наукѣ съ понятіемъ объ искусствѣ или умѣніи, — когда дѣло идетъ о логикѣ. А установивъ этотъ послѣдній фактъ, мы можемъ предположить, что такое смѣшеніе понятій имѣетъ мѣсто и у представителей логики въ предшествующій періодъ, — у тѣхъ, которые прилагаютъ къ нашей наукѣ Латинское названіе «ars». Быть можетъ, у позднѣйшихъ ученыхъ и мыслителей подобное смѣшеніе понятій является просто только результатомъ традицій, — чѣмъ-то, такъ сказать, унаслѣдованнымъ отъ предшественниковъ, причемъ это смѣшеніе здѣсь лишь усиливается, благодаря тому обстоятельству, что Латинское слово «ars» все-же, какъ сказано, имѣло двойное значеніе и могло обозначать иногда и «науку», а не — «умѣніе» или «искусство», тогда какъ слова современныхъ «l'art, Kunst, art, способность» такого двойнаго значенія не имѣютъ и никогда въ смыслѣ «наука» не употребляются.

Повторяемъ, у названныхъ представителей нашей науки встрѣчается, когда дѣло идетъ о логикѣ, нѣкоторое смѣшеніе понятія о наукѣ съ понятіемъ объ искусствѣ или умѣніи. При этомъ, конечно, взглядъ на логику, какъ на нѣкоторое искусство или умѣніе, а не науку, только и проявляется у нихъ въ опредѣленіи логики. Да иначе и невозможно. Нельзя провести систематически такой взглядъ въ цѣломъ логическомъ трактатѣ, провести его при обсужденіи разнаго рода вопросовъ логики. Наши разсужденія въ этой области, въ крайнемъ случаѣ, можно было-бы лишь признать за теорію извѣстнаго искусства или умѣнія, но отнюдь не за самое это искусство или умѣніе.

Смѣшеніе понятій, о которомъ мы говоримъ, проявляется еще, быть можетъ, въ томъ, что нѣкоторые представители нашей науки предполагаютъ, будто кромѣ логики научной имѣетъ мѣсто *логика*

естественная, которая и есть ничто иное, какъ нѣкоторая способность, не зная никакихъ правилъ научной логики и не руководствуясь таковыми, все-же правильно рассуждать и познавать истину. Такимъ образомъ естественная логика представляет не теорію, не науку, а особую способность, которая по природѣ принадлежитъ человѣку, особое прирожденное искусство или умѣніе. И этотъ взглядъ, говоримъ мы, предполагаетъ, будто логику или — точнѣе — извѣстную часть логики, естественную логику, «*logica naturalis*» слѣдуетъ признавать не за науку, а за какое-то искусство или умѣніе. А потому тѣ небольшія замѣчанія, которыя мы только что сдѣлали относительно сочиненій, гдѣ логику объявляютъ за нѣкотораго рода умѣніе или искусство, остаются и здѣсь въ своей силѣ ³⁸⁾. — Въ средніе вѣка ³⁹⁾ обыкновенно называютъ такую «естественную логику» — «*logica naturalis*», въ отличіе отъ «научной логики» — «*logica artificialis*». Въ такомъ же смыслѣ говорятъ въ этотъ періодъ объ «*logica connata et acquisita*». Въ параллель съ этимъ мы встрѣчаемъ здѣсь и рассужденія объ «*logica utens*» или «*usualis*» — въ отличіе отъ «*logica docens*», причемъ подъ «*logica utens*» или «*usualis*» разумѣютъ практическое приложеніе науки логики, тѣ рассужденія и изслѣдованія, при которыхъ мы пользуемся выработанными въ наукѣ логики («*logica docens*») правилами. — Рассужденія объ «*logica naturalis*» встрѣчаются и въ новое время. Имъ отводитъ извѣстное мѣсто Chr. Wolff. ⁴⁰⁾, Chr.

³⁸⁾ Замѣчанія по поводу рассужденій объ „logica naturalis“ мы встрѣчаемъ у Imm. Kant'a (см. «*Sämmtliche Werke*», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. Hefte 20—21. «*Logik*». Brl. 1869 p. 19). C. Fr. Bachmann'a (см. «*System der Logik*». Leipz. 1828 p. 24), M. Katzenberger'a (см. «*Wissenschaft vom logischen Denken*». I-er Th. «*Die Grundfragen der Logik*». Leipz. 1858 p. 18—19) и Fr. Ueberweg'a (см. «*System der Logik und Geschichte der logischen Lehren*». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 8). Cp. R. Zimmermann «*Philosophische Proäuentik*». 3-te Aufl. Wien 1867 p. 16.

³⁹⁾ См. указанія въ предшествующемъ примѣчаніи мѣста изъ сочиненій М. Katzenberger'a и Fr. Ueberweg'a, а также C. Prantl'a «*Geschichte der Logik im Abendlande*». Bde I—IV Leipz. 1855—1870. Bd. III S. 277 Anm. 451; *ibid.* Bd. IV S. 7; *ibid.* Bd. IV S. 202 Anm. 132; *ibid.* Bd. IV Anm. 549; L. Rabus «*Logik und Metaphysik*». Th. I. «*Erkenntnisslehre, Geschichte der Logik, System der Logik*» Erl. 1868 p. 179—180.

⁴⁰⁾ «*Philosophiae Wolfianae contractae*», tom. I ed. J. Fr. Stiebritz. Halae Magdeb. 1744. «*Philosophiae rationalis sive logicae prolegomena*», § 4—28 p. 37—41.

Aug. Crusius ⁴¹⁾, W. Fr. Krug ⁴²⁾, наконецъ, К. А. v. Reichlin-Meldegg ⁴³⁾ и G. Hagemann ⁴⁴⁾. Мы ⁴⁵⁾ находимъ ихъ также I. Watts'a ⁴⁶⁾ и Ph. Damiron'a ⁴⁷⁾. — Такія разсужденія попадаются и въ Русскихъ ученыхъ сочиненіяхъ. П. Лодій говоритъ о «природной» и «приобрѣтенной логикѣ», при чемъ онъ подъ «природной логикой» разумѣетъ «естественное расположеніе къ правильнымъ размышленіямъ» ⁴⁸⁾. С. Борзцовскій различаетъ «естественную» и «искусственную логику» и опредѣляетъ первую, какъ «силу твердаго разсудка и благоразуміе, которое человѣкъ неученый, а только упражненіемъ и опытностью руководимый, показываетъ въ общихъ дѣлахъ жизни» ⁴⁹⁾. Н. Рождественскій также старается «оцѣнить достоинство такъ называемой природной логики» ⁵⁰⁾.

Нѣкоторые представители нашей науки до нѣкоторой степени сближаютъ логику съ грамматикой и вносятъ въ науку логики разсужденія о вопросахъ чисто грамматическихъ ⁵¹⁾. Конечно, мысли свои человѣкъ обыкновенно выражаетъ при помощи языка, а потому изученіе языка должно имѣть извѣстное значеніе для логики ⁵²⁾.

⁴¹⁾ Chr. Aug. Crusius «Weg zur Gewissheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntnis». 2-te Aufl. Leipz. 1762 p. 100—101.

⁴²⁾ W. Fr. Krug «Entwurf eines neuen Organon's der Philosophie». Meiss. u. Lübb. 1801 p. 58.

⁴³⁾ К. А. v. Reichlin-Meldegg «System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. II-te Abth. «System der Logik» p. 2.

⁴⁴⁾ G. Hagemann «Elemente der Philosophie. I. Logik und Noetik». 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887 p. 13.

⁴⁵⁾ Мы ничего не говоримъ здѣсь объ Е. Дühring'ѣ, ибо его «Sachlogik» далеко не то-же самое, что средневѣковая «logica naturalis». Впрочемъ его разсужденій объ «Sachlogik» мы еще коснемся ниже.

⁴⁶⁾ I. Watts «Logique ou le légitime usage de la raison dans la recherche de la vérité», trad. par. M. E. Jouffroy. Par. 1846 p. 4. Какъ мы выше видѣли, I. Watts прилагаетъ къ логикѣ названіе «l'art».

⁴⁷⁾ Ph. Damiron «Cours de philosophie. Logique». Brux. 1837. Préf. p. XXIX.

⁴⁸⁾ П. Лодій «Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго». Спб. 1815. стр. 70—71.

⁴⁹⁾ С. Борзцовскій «Краткое руководство къ логикѣ». Спб. 1821, стр. 4—5.

⁵⁰⁾ Н. Рождественскій «Руководство къ логикѣ съ предварительнымъ изложеніемъ психологическихъ свѣдѣній». 5-е изд. Спб. 1844. стр. 61.

⁵¹⁾ Ср. L. Rabus «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnislehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868 p. 295.

⁵²⁾ Разсужденія объ этомъ вопросѣ мы встрѣчаемъ у L. Rabus'a («Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage». Erl. 1880 p. 150—152), G. Hagemann'a («Elemente der Philo-

Но едва-ли кто теперь сталъ-бы серьезно утверждать, что логика есть грамматика или что грамматика, наконецъ, та или другая часть грамматики должна войти въ составъ науки логики. Подобный взглядъ самъ говорить противъ себя.

Въ то время, когда Аристотель⁵³⁾ писалъ свои логическіе трактаты, не было еще, можно сказать, вовсе ни грамматики, ни науки логики. Для разъясненія извѣстныхъ пунктовъ своей логической теоріи Аристотель долженъ былъ коснуться и нѣкоторыхъ вопросовъ грамматики. Притомъ-же и цѣлое науки логики, предметъ и весь планъ этой науки выяснялись, быть можетъ, у самого Аристотеля только постепенно. Наконецъ, въ его время еще не было выработано философской терминологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и терминологіи для науки логики,—обстоятельство въ высшей степени важное,—обстоятельство, въ силу котораго Аристотель иногда, быть можетъ, не имѣлъ возможности достаточно точно и ясно выразить свои мысли и вносилъ въ свои сочиненія нѣкотораго рода путаницу, которой, на самомъ дѣлѣ, мысль его была чужда,—обстоятельство въ высшей степени важное, говоримъ мы, ибо оно часто мѣшаетъ намъ понять слова Великаго Стагирита въ томъ смыслѣ, какой онъ имъ самъ придавалъ. И вотъ, въ сочиненіяхъ Аристотеля⁵⁴⁾ мы находимъ иногда разсужденія которыя посвящены, собственно, вопросамъ грамматики, а не ло-

sophie. I. Logik und Noetik. 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887 p. 14), Fr. Ed. Beneke («System der Logik, als Kunstlehre des Denkens» Th. I—II. Berl. 1842. Th. I. S. 30) и Fr. Harms'a («Logik». Leipz. 1886 p. 42).

⁵³⁾ Гдѣ-бы намъ ни приходилось касаться исторіи логики, мы никогда не говоримъ о взглядахъ, которые принадлежать предшественникамъ Аристотеля. Конечно, о нѣкоторыхъ вопросахъ логики разсуждали и до Аристотеля. Но если даже «Органонъ» Аристотеля страдаетъ нѣкоторой несистематичностью, то тѣмъ болѣе ни у кого изъ предшественниковъ Великаго Стагирита мы не найдемъ стройной системы логики. Исторія нашей науки не можетъ игнорировать и тѣ отрывочныя замѣчанія, которыя попадаются у различныхъ мыслителей въ до-Аристотелевскій періодъ. Но мы обращаемся къ исторіи логики для того только, чтобы лучше охарактеризовать направленія, которыя существуютъ въ этой наукѣ въ настоящее время. Это и даетъ намъ право допустить подобную, если можно такъ выразиться, вольность.

⁵⁴⁾ Всего больше въ трактатѣ „Περὶ ἐρμηνείας“,—если только таковой считать подлиннымъ (ср. Ed. Zeller „Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung“. II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 S. 51 Anm. 1; Ad. Trendelenburg „Historische Beiträge zur Philosophie. I Bd. Geschichte der Kategorienlehre“. Berl. 1846 p. 23; A. D. Ch. Twisten „Die Logik, insbesondere die Analytik“. Schlesw. 1825. „Vorrede“ p. XXVIII.

тики⁵⁵).—Но такое стремление, если не обратить логику въ грамматику, то, по крайней мѣрѣ, обсуждать здѣсь также и разнаго рода грамматическіе вопросы проявляется и въ послѣдующее время⁵⁶).—Исходя изъ того положенія, что логика должна разсматривать мысль, не только какъ таковая складывается въ головѣ чловѣка, но и какъ мы ее выражаемъ въ словахъ (τὸ λεχτόν), Стоики вносили въ сочиненія, посвященные нашей наукѣ, изслѣдованія, которыя относятся, собственно, къ области языкознанія,—и даже разсужденія объ элементарныхъ звукахъ, входящихъ въ составъ каждаго слова⁵⁷).—Въ средніе вѣка⁵⁸) Hugo v. St. Victor (род. въ 1097, ум. въ 1141 г.) прямо утверждаетъ, будто одну изъ частей логики должна составить грамматика⁵⁹). «Σύνοψις» М. Pselli (род. въ 1020 г.)⁶⁰) и «Summulae» Petri Hispani (род. въ 1226 г., ум. въ 1277 г.)⁶¹) также содержатъ въ себѣ нѣкоторыя разсужденія, специально относящіяся къ области грамматики, а не логики (особенно «parva logicalia»). Притомъ М. Psellus, а особенно Petrus Hispanus оказали, какъ извѣстно, большое вліяніе на своихъ современниковъ. Такому вліянію въ нѣкоторой мѣрѣ подчинились Lambert v. Auxerre (въ сред. XIII в.)⁶²), Vincenz v. Beauvais (ум. въ 1264 г.)⁶³), Raimundus Lullus

⁵⁵) М. Katzenberger („Wissenschaft vom logischen Denken“. I-er Th. „Die Grundfragen der Logik“. Leipz. 1858 p. 26) говоритъ, что Аристотель постоянно начинаетъ съ формъ языка (Sprachformen) и, придерживаясь такой путевой нити, обращается къ формамъ мысли (Denkformen).

⁵⁶) Ср. Fr. Alb. Lange „Logische Studien“. Iserl. 1877 p. 1—3; ibid. p. 17; L. Rabus „Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage“. Erl. 1880 p. 150—152; C. Fr. Bachmann „System der Logik“. Leipz. 1828 S. 8—9 Anm.

⁵⁷) C. Prantl „Geschichte der Logik im Abendlande“. Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. I S. 414—415.

⁵⁸) Ср. Fr. Alb. Lange „Logische Studien“. Iserl. 1877 p. 32.

⁵⁹) C. Prantl „Geschichte der Logik im Abendlande“. Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. II S. 111—112 Anm. 43—48.

⁶⁰) Ibid. Bd. II S. 264—293 и примѣчанія, къ этимъ страницамъ относящіяся; проф. Слб. ун. М. И. Владиславлевъ „Логика“. Слб. 1872. „Приложение“ стр. 101—107.

⁶¹) Въ томъ-же соч. C. Prantl'a Bd. III S. 33—75 и примѣчанія, къ этимъ страницамъ относящіяся; въ томъ-же соч. М. И. Владиславлева „Приложение“ стр. 107—119; L. Rabus „Logik und Metaphysik“. Th. I. „Erkenntnisslehre, Geschichte der Logik, System der Logik“. Erl. 1868 p. 153—164.

⁶²) C. Prantl „Geschichte der Logik im Abendlande“. Bd. I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. III S. 24—32 съ примѣчаніями, сюда относящимися.

⁶³) Ibid. Bd. III S. 77—85 съ примѣчаніями, сюда относящимися.

(род. въ 1234 г., ум. въ 1315 г.) ⁶⁴), Joh. Duns Scotus (ум. въ 1308 г.) ⁶⁵) и весьма многіе другіе ⁶⁶) представители средневѣковой науки ⁶⁷).

Мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу еще одного довольно оригинальнаго явленія въ исторіи логики.

Въ своей «Топикѣ» Аристотель разсматриваетъ «діалектическія», или вѣроятныя заключенія. Онъ задается здѣсь цѣлью найти методъ, пользуясь которымъ мы могли-бы по поводу каждаго предложеннаго вопроса составлять силлогизмы изъ такихъ посылокъ, которыя хотя и не вполне достовѣрны, но все-же вѣроятны, и, пользуясь которымъ, мы были-бы гарантированы отъ противорѣчій, когда станемъ сами о чемъ-либо говорить ⁶⁸). Въ параллель съ этимъ въ началѣ его трактата «De sophisticis elenchis» читаемъ: «Бываютъ разсужденія четырехъ родовъ: научныя (διδασκαλικοί, sc. λόγοι), діалектическія (διαλεκτικοί), испытующія (πειραστικοί), и эристическія (εριστικοί). Научны тѣ разсужденія, въ которыхъ мы опираемся на присущія данной наукѣ начала, а не составляемъ силлогистическія доказательства, исходя изъ мнѣній тѣхъ, кому на наши разсужденія приходится отвѣчать... діалектическими можно назвать разсужденія, при которыхъ мы исходимъ изъ положеній вѣроятныхъ и, построя силлогизмы, указываемъ на неизбѣжныя при иномъ рѣшеніи вопроса противорѣчія; разсужденія испытующія имѣютъ мѣсто, когда мы основываемся на мнѣніи тѣхъ людей, которые на наши разсужденія отвѣчаютъ, и на томъ, что долженъ знать всякій, кто дѣлаетъ видъ, будто обладаетъ знаніемъ,—какъ мы это разобрали въ другомъ нашемъ сочиненіи; наконецъ, эристическими слѣдуетъ называть такіа силлогистическія или quasi-силлогистическія разсужденія, которыя опираются на что-либо, что кажется вѣроятнымъ,

⁶⁴) Ibid. Bd. III S. 129—177 съ примѣчаніями, сюда относящимися; проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ „Логика“ Спб. 1872. „Приложеніе“ стр. 119—134.

⁶⁵) Въ томъ-же соч. С. Prantl'я Bd. III. S. 129—144 и 202—232 съ примѣчаніями, сюда относящимися.

⁶⁶) Ср. ibid. Bd. IV S. 210—220 съ примѣчаніями, сюда относящимися.

⁶⁷) Нельзя не упомянуть здѣсь между прочимъ о томъ, что Herm. Wolff почему-то думаетъ, будто „высшую ступень въ развитіи логики составляетъ наука о языкѣ (Die weitere Entwicklung der Logik ist die Sprachwissenschaft)“. См. Herm. Wolff „Handbuch der Logik“. 2-te Aufl. Leipz. 1888 p. 1.

⁶⁸) Aristotelis „Opera omnia“, rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. Topic. lb. I cap. I, 1 (vol. III p. 41).

но, на самомъ дѣлѣ, вовсе не вѣроятно. О научныхъ и по истинѣ доказательныхъ разсужденіяхъ (*ἀποδεικτικοὶ λόγοι*) говорилось въ «Аналитикахъ»; о діалектическихъ и испытующихъ—въ прежнемъ нашемъ сочиненіи; объ агонистическихъ и эристическихъ мы будемъ говорить теперь». ⁶⁹⁾ Такъ какъ Аристотель здѣсь прямо заявляеть, что «научныя разсужденія» разобраны въ «Аналитикѣ», а объ «эристическихъ»—онъ будетъ говорить въ трактатѣ «*De sophisticis elenchis*», то выходитъ, что прежнее сочиненіе, которое посвящено разсмотрѣнію «разсужденій діалектическихъ и испытующихъ» и о которомъ онъ въ приведенномъ только что мѣстѣ упоминаетъ, и есть «Топика». Такимъ образомъ «Топика» имѣетъ предметомъ своимъ (построенныя въ формѣ силлогизма) разсужденія, когда таковыя опираются на положенія вѣроятныя или на мнѣнія тѣхъ людей, съ которыми намъ приходится вести разговоръ. И этого мало. «Топика» должна отыскать методъ для составленія подобныхъ разсужденій. «Топика», по идеѣ Аристотеля, есть теорія, излагающая правила относительно того, какъ составлять доказательства, основываясь на положеніяхъ лишь вѣроятныхъ, а не достовѣрныхъ вполнѣ, или на мнѣніяхъ людей, съ которыми намъ приходится вести разговоръ, споръ ⁷⁰⁾. Итакъ, если мы приѣмемъ, что трактаты, вошедшіе въ составъ Аристотелевскаго «Органона» должны были образовать стройную систему логики и притомъ систему логики и ничего больше, то выйдетъ, что Аристотель вводитъ въ нашу науку особый отдѣлъ, который заключаетъ въ себѣ рядъ правилъ, какъ пользоваться для составленія доказательствъ при разнаго рода разговорахъ и спорахъ положеніями вѣроятными и мнѣніями людей, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло,—особый отдѣлъ, содержащій указанія относительно того, какъ вести разговоръ или споръ. И вотъ такое направленіе,—если это можно назвать направле-
ніемъ,—сохраняется иногда и впослѣдствіи ⁷¹⁾. Нѣкоторые пред-

⁶⁹⁾ Ibid. „*De sophisticis elenchis*“ cap. II, 2—3 (vol. III p. 523—524); ср. ibid. *Topic. Ib.* I cap. II (vol. III p. 45—47).

⁷⁰⁾ Ср. проф. Сиб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Сиб. 1872. «Приложеніе» стр. 31; C. Prantl «*Geschichte der Logik im Abendlande.*» Bd. I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. I. S. 343.

⁷¹⁾ Ср. ibid. Bd. I S. 342; L. Rabus «*Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage.*» Erl. 1880 p. 150—152; J. Fr. Fries «*System der Logik.*» 2-te Aufl. Heid. 1819. «Vorrede zur ersten Auflage» p. III; ibid. p. 6; J. Fr. Herbart «*Sämmtliche Werke.*», herausg. v. Hartenstein. Bd. I. «*Schriften zur Einleitung in die Philosophie.*» Leipz. 1850.

ставители логики требуют, чтобы учение въ искусствѣ вести разговоръ и споръ образовало особый отдѣлъ нашей науки; другіе хотятъ въ такой теоріи видѣть все цѣлое науки логики; наконецъ, нѣкоторые авторы замѣняютъ при этомъ и подобное учение объ искусствѣ вести разговоръ или споръ прямо риторикой и утверждаютъ, будто послѣдняя должна войти въ составъ логики, а наиболѣе крайніе между ними, — будто логика и есть ничто иное, какъ риторика.

Не будемъ касаться крайнихъ взглядовъ. Что логика и риторика не одно и то-же и что риторика не можетъ составить особаго отдѣла науки логики, объ этомъ едва-ли нужно говорить. Далѣе. Едва-ли кто теперь согласился-бы обратить всю науку логики въ какое-то учение объ искусствѣ вести разговоръ или споръ. Наша наука преслѣдуетъ несравненно болѣе широкія задачи. Но, быть можетъ, подобная теорія все-же должна составить одинъ изъ отдѣловъ логики. Не будемъ много распространяться объ этомъ послѣднемъ вопросѣ тѣмъ болѣе, что намъ только предстоитъ еще въ концѣ концовъ опредѣлить, чѣмъ должна быть логика и каковы должны быть ея основныя задачи. Скажемъ лишь, что всякая наука преслѣдуетъ и должна преслѣдовать задачи серьезныя. И, если это можно утверждать относительно цѣлага каждой науки, то и объ особахъ отдѣлахъ той или другой науки можно сказать то-же самое. Логика утратила-бы свой *raison d'être*, еслибы стала трактовать исключительно о томъ, какъ слѣдуетъ намъ вести разсужденія, чтобы побѣждать противниковъ въ разнаго рода спорахъ, и это — *mutatis mutandis* — пришлось-бы признать и тогда, еслибы разсмотрѣніе подобныхъ вопросовъ составило у насъ только особый отдѣлъ науки логики. Но предположимъ, кто-либо внесъ-бы въ нашу науку подобную теорію, — какъ нѣчто такое, что представляетъ рядъ практическихъ выводовъ изъ тѣхъ теоретическихъ положеній, которыя здѣсь устанавливаются. Никто не сталъ-бы такому отдѣлу логики придавать особаго значенія ⁷²⁾. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ изъ представителей науки логики, о которыхъ мы теперь ведемъ рѣчь, наблюдается противное.

„Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie“ p. 118; L. Rabus «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnislehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868 p. 295.

⁷²⁾ Cp. C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870 Bd. I. S. 341—342; G. Hagemann «Elemente der Philosophie. I. Logik und Noetik». 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887 p. 14.

доп.

20645

Какъ мы уже говорили, цѣлое науки логики,—если принять, что Аристотель самъ смотритъ на совокупность трактатовъ, которые составили его «Органонъ», какъ на *систему* логики,—быть можетъ, выяснялось у Великаго Стагирита только постепенно, и этимъ, быть можетъ, обуславливались у него нѣкоторыя уклоненія въ сторону. Далѣе, Аристотель науки логики не отождествляетъ съ ученіемъ о томъ, какъ вести разговоры и споры. Тѣмъ болѣе далеко онъ того, чтобы отождествить эту послѣднюю теорію съ риторикой и логику вообще съ риторикой. А если Аристотель все-же ученію объ искусствѣ вести разговоры и споры придаетъ, повидимому, большое значеніе, то это вытекаетъ изъ условій времени. Эристика, важнѣйшими представителями которой были Софисты въ то время еще не дожила свой вѣкъ. Трактатъ о томъ, какъ слѣдуетъ строить доказательства при разсужденіяхъ правильныхъ и достовѣрныхъ, при разсужденіяхъ истинно научныхъ, Аристотель долженъ былъ дать также своимъ ученикамъ оружіе, пользуясь которымъ можно было-бы бороться противъ всего, что лишь кажется достовѣрнымъ и научнымъ, а не достовѣрно, на самомъ дѣлѣ, противъ всего quasi-научнаго. Онъ долженъ былъ научить ихъ, какъ вести борьбу въ спорахъ съ представителями эристики. Наконецъ, Аристотелевская «Топика» объясняется также изъ того, какъ онъ рѣшаетъ извѣстные вопросы теоріи познанія. Всякаго рода заключенія сводятся или, по крайней мѣрѣ, должны сводиться къ формулѣ силлогизма. Индуктивный выводъ представляетъ ничто иное, какъ силлогизмъ, только силлогизмъ несовершенный ⁷³⁾. Но при силлогистическихъ умозаключеніяхъ мы всегда дѣлаемъ выводъ изъ положеній, которые намъ напередъ даны. Еслибы мы вздумали доказывать самыя посылки такого или иного силлогизма, намъ пришлось-бы опять прибѣгнуть къ силлогистической формулѣ и для каждой изъ посылокъ нашего перваго силлогизма подыскивать посылки новыя. Чтобы доказать эти вновь подобранныя посылки, мы должны были-бы и къ нимъ подыскать посылки и т. д., такъ что у насъ составилась-

⁷³⁾ Aristotelis „Opera omnia“, rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. An. prior. lb. II cap. XXV, 2—8 (vol. II p. 415—417); Topic. lb. I cap. X, 5 (ibid. vol. III p. 68—69). Cp. Ed. Zeller „Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung“. II Th. II Abth. 2-te Anfl. Tüb. 1862 S. 167; ibid. S. 167 Anm. 9; Ad. Trendelenburg „Elementa logices Aristotelicae“. Ed. octava. Berl. 1878 p. 33—34; ibid. p. 113—114; проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ „Логика“. Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 21—22.

бы цѣль силлогизмовъ. Предположить, что такое доказываніе никогда не можетъ прійти къ концу, что получилась-бы при этомъ безконечная цѣль силлогизмовъ, нельзя. Это значило-бы не вѣрить вовсе въ доказываніе, сказать, что доказываніе невозможно, отказаться отъ всякаго доказыванія ⁷⁴). Итакъ, подобное доказываніе не можетъ продолжаться безъ конца. Подыскивая посылки для нашей лѣстницы силлогизмовъ, мы въ концѣ концовъ прійдемъ къ положеніямъ наиболѣе общимъ,—которыхъ уже нельзя доказать и которыя мы тѣмъ не менѣе соглашаемся принять ⁷⁵). Умъ нашъ по природѣ такъ устроенъ, что мы уже напередъ расположены вырабатывать себѣ извѣстныя наиболѣе общія положенія. Знакомится человѣкъ съ внѣшними предметами, и это предрасположеніе вступаетъ въ свои права: опытъ наталкиваетъ человѣка на подобныя мысли, и онъ себѣ подобныя отличающіяся наиболѣе общимъ характеромъ положенія, дѣйствительно, вырабатываетъ. Правда, опытъ такимъ образомъ помогаетъ намъ установить наиболѣе общія положенія ⁷⁶). Положенія эти все-же опираются на опытъ ⁷⁷).

⁷⁴) Aristotelis „Opera omnia“, rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. An. post. lb. I cap. II—III (Vol. II p. 436—446); ibid. lb. I cap. XXII, 2 (ibid. vol. II p. 511); Aristotelis „Opera omnia“ ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Metaph. lb. II cap. VI, 10 (p. 491); ibid. lb. III cap. IV, 2 (ibid. p. 504); ibid. lb. III cap. VI (ibid. p. 511—512); Eth. Nic. lb. VI cap. VI, 1 (ibid. p. 69). Cp. Ed. Zeller „Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung“. II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 170—171; проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ „Логика“. Спб. 1872. «Приложение» стр. 23—27; Ad. Trendelenburg „Elementa logices Aristoteleae“. Ed. octava. Brl. 1878 p. 38; ibid. p. 136—138.

⁷⁵) Aristotelis „Opera omnia“, rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. An. post. lb. I cap. II, 4—8 (vol. II p. 437); ibid. lb. I cap. III, 4 (ibid. vol. II p. 443); ibid. lb. I cap. IX—X (ibid. vol. II p. 465—472); ibid. lb. I cap. XI, 2 (ibid. vol. II p. 473); ibid. lb. II cap. IX, 6—7 (ibid. vol. II p. 583); ibid. lb. II cap. XV, 2 (ibid. vol. II p. 617); Aristotelis „Opera omnia“, ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Metaph. lb. III cap. III (p. 503—504); ibid. lb. III cap. VI (ibid. p. 511—512); Eth. Nic. lb. VI cap. III, 3 (ibid. p. 68); ibid. lb. VI cap. VIII, 9 (ibid. p. 71); ibid. lb. VI cap. XI, 4 (ibid. p. 73). Cp. Ed. Zeller „Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung“. II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 171—175; Ad. Trendelenburg „Elementa logices Aristoteleae“. Ed. octava. Brl. 1878 p. 38—39; ibid. p. 44—46; ibid. p. 139—141; ibid. p. 161—169.

⁷⁶) Aristotelis „Opera omnia“, rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. An. post. lb. I cap. XVIII (vol. II p. 501—502); ibid. lb. II cap. XV (ibid. vol. II p. 617—621); Aristotelis „Opera omnia“, ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Eth. Nic. lb. VI cap. VI, 2 (p. 69); ibid. lb. VI cap. VIII, 9 (ibid. p. 71); ibid.

Но доказать ихъ вполне опытъ не можетъ, ибо опытный, индуктивный выводъ, какъ сказано, всегда представляетъ лишь силлогизмъ несовершенный. Другую опору,—опору, конечно, также недостаточную, такіа наиболѣе общія положенія наши и находятъ себѣ въ томъ, что ихъ можно всегда защитить противъ мнѣній противоположныхъ, что мнѣнія противоположныя всегда можно опровергнуть. И вотъ, «Толика» показываетъ намъ, какъ вести споры, и научаетъ насъ подобнаго рода защитѣ. Наиболѣе общія положенія, доказать которыя путемъ построения силлогизмовъ уже нельзя, имѣютъ двоякую опору: а) въ опытѣ и б) въ томъ, что противъ положеній, противоположныхъ имъ, всегда возможно спорить. Какъ вести подобные споры,—этому и научаетъ насъ «Толика» ⁷⁸⁾.

Не будемъ говорить о томъ, какое значеніе могла-бы для логики имѣть «толика», еслибы мы на нее взглянули съ этой точки зрѣнія. Для насъ важно только, что Аристотель не безъ основаній принялся говорить объ искусствѣ вести разсужденія и споры. Но вотъ, впоследствии весьма многое измѣнилось. Наука логики уже была основана. Первые шаги здѣсь уже были сдѣланы. Ученымъ и мыслителямъ послѣдующаго времени пришлось идти дальше по пути, который уже, такъ сказать, на значительное разстояніе былъ проложенъ. Условія времени измѣнились. Эристика отжила свой вѣкъ. Взгляды, касающіеся различныхъ вопросовъ теоріи познанія, также съ теченіемъ времени измѣнились. Исчезаютъ всѣ тѣ сколько-нибудь серьезныя основанія, которыя заставили Аристотеля приняться за «Толику». Между тѣмъ напри-

lb. VI cap. XI, 4 (ibid. p. 73). Cp. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 172—173.

⁷⁷⁾ Aristotelis «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. An. prior. lb. II cap. XXV, 1 (vol. II p. 415); An. post. lb. I cap. XXVIII (ibid. vol. II p. 501—502); ibid. lb. II cap. XV (ibid. vol. II p. 617—621); Aristotelis «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II Par. 1850. Eth. Nic. lb. VI cap. III, 3 (p. 68). Cp. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 175—176; Ad. Trendelenburg «Elementa logices Aristoteleae». Ed. octava. Brl. 1878 p. 44—46; ibid. p. 161—169.

⁷⁸⁾ Aristotelis «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. Top. lb. I cap. II, 6—7 (vol. III p. 46—47). Cp. Aristotelis «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II Par. 1850. Metaph. lb. III cap. III—IV (p. 503—508). Cp. также Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 174; ibid. p. 176—179.

вление, — если это опять таки можно назвать направлением, — направление, говоримъ мы, начатое Аристотелемъ, не исчезаетъ и — мало того — принимаетъ иногда болѣе крайній характеръ.

Стоики, какъ извѣстно, прямо раздѣляютъ логику на діалектику и риторику, причемъ и діалектику опредѣляютъ, какъ искусство вести разговоры, разсужденія, споры ⁷⁹⁾. Цицеронъ объявляетъ діалектику, — а этимъ именемъ нашу науку часто называли еще и въ средніе вѣка, — за «disserendi ars» и жалуется, что «топику» совсѣмъ забросили ⁸⁰⁾. Квинтилианъ утверждаетъ, будто діалектика, т. е. логика есть «disputatrix» ⁸¹⁾. — Въ средніе вѣка ⁸²⁾ приверженцами подобнаго взгляда являются Boethius (род. въ 470, ум. въ 524 г.) ⁸³⁾, Isidorus Hispalensis (ум. въ 636 г.), который, подобно Стоикамъ, говоритъ, что логика состоитъ изъ двухъ частей: діалектики и риторики, и даже приписываетъ это раздѣленіе Платону ⁸⁴⁾, Joh. Scotus Erigena (въ IX в.) ⁸⁵⁾, M. Psellus (род. въ 1020 г.) ⁸⁶⁾, Hugo v. St. Victor. (род. въ 1097 г., ум. въ 1141 г.) ⁸⁷⁾, Albertus Magnus (род. въ 1193 г., ум. 1280 г.) ⁸⁸⁾,

⁷⁹⁾ Проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложение» стр. 60—61; C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. I. S. 412—421 съ примѣчаніями, сюда относящимися; L. Rabus «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnislehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868 p. 132; Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». III Th. I Abth. 2-te Aufl. Leipz. 1865 p. 58—63 съ примѣчаніями, сюда относящимися.

⁸⁰⁾ Въ томъ-же сочиненіи L. Rabus'a p. 136; у C. Prantl'я ibid. Bd. I S. 513—514 съ примѣчаніями, сюда относящимися.

⁸¹⁾ У L. Rabus'a ibid. p. 137; у C. Prantl'я ibid. Bd. I S. 512.

⁸²⁾ L. Rabus «Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage». Erl. 1880 p. 4; ibid. p. 152; M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 28—30.

⁸³⁾ L. Rabus «Logik und Metaphysik. Th. I. Erkenntnislehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868 p. 145.

⁸⁴⁾ C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. II S. 11. Anm. 27.

⁸⁵⁾ У C. Prantl'я ibid. Bd. II S. 24 Anm. 100; ibid. Bd. II S. 25 Anm. 104; у L. Rabus'a ibid. (см. примѣч. 83-е) p. 149.

⁸⁶⁾ C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. II S. 265 Anm. 6.

⁸⁷⁾ Ibid. Bd. II S. 111—112 Anm. 45—48.

⁸⁸⁾ Ibid. Bd. III S. 92 Anm. 368; ibid. Bd. III S. 92—93 Anm. 370.

Lambert v. Auxerre (въ сред. XIII в.)⁸⁹), Petrus Hispanus (ум. въ 1277 г.)⁹⁰), Raimundus Lullus (род. въ 1234 г., ум. въ 1315 г.)⁹¹), наконецъ Alfarabi (ум. въ 950 г.)⁹²), и Avicenna (род. въ 980 г., ум. въ 1037 г.)⁹³). Названные представители средневѣковой науки такъ или иначе высказываются въ пользу разсматриваемаго нами взгляда. Но сюда-же, быть можетъ, относятся и нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ авторовъ, которые просто излагаютъ, комментируютъ и поясняютъ Аристотеля, а между прочимъ и его «Томику», не высказывая отъ себя ничего. И они какъ-бы молча признаютъ необходимымъ включить «томику» въ составъ логики.—Въ эпоху возрожденія въ силу реакціи противъ прежней схоластики многіе перестаютъ заниматься Аристотелемъ, увлекаются сочиненіями Цицерона и стремятся замѣнить логику во всемъ ея составѣ риторикой⁹⁴). Такого взгляда придерживаются Laurentius Valla (ум. въ 1486 г.)⁹⁵), Rudolf Agricola (ум. въ 1485 г.)⁹⁶), Georgius Trapezuntius (ум. въ 1486 г.)⁹⁷), Angelus Politianus (ум. въ 1494 г.)⁹⁸), Georgius Valla (ум. въ 1499 г.)⁹⁹), Ludovicus Vives (род. въ 1492 г., ум. въ 1540 г.)¹⁰⁰) и Thomas Campanella (род. въ 1568 г., ум. въ 1639 г.)¹⁰¹).—Разбираемый взглядъ не исчезаетъ и въ новое время.—Во второй, практической части своей «Логики» Chr. Wolff посвящаетъ четвертый отдѣлъ («sectio quarta») разсужденіямъ «de usu logicae in veritate cum aliis communicanda». Отдѣлъ этотъ состоитъ у него изъ пяти главъ. Въ первой главѣ говорится «de

⁸⁹) Ibid. Bd. III S. 25 Anm. 99; ibid. Bd. III. S. 26 Anm. 103.

⁹⁰) Ibid. Bd. III S. 41 Anm. 146; L. Rabus «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnisslehre, Geschichte der Logik, System der Logik.» Erl. 1868 p. 154.

⁹¹) У С. Prantl'я ibid. Bd. III S. 149 Anm. 27.

⁹²) Ibid. Bd. II S. 302 Anm. 13; ibid. Bd. II S. 303 Anm. 16.

⁹³) Ibid. Bd. II. S. 503 Anm. 16.

⁹⁴) Ibid. Bd. IV S. 152; L. Rabus «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnisslehre, Geschichte der Logik, System der Logik.» Erl. 1868 p. 174—175.

⁹⁵) У С. Prantl'я ibid. Bd. IV S. 162 Anm 52—53; у L. Rabus'a ibid. p. 174.

⁹⁶) У С. Prantl'я ibid. Bd. IV S. 167—169 съ примѣчаніями, сюда относящимся; у L. Rabus'a ibid. p. 174—175.

⁹⁷) У С. Prantl'я ibid. Bd. IV S. 169—170 съ примѣчаніями, сюда относящимися.

⁹⁸) Ibid. Bd. IV S. 170—171 съ примѣчаніями, сюда относящимися.

⁹⁹) Ibid. Bd. IV S. 172 съ примѣчаніями, сюда относящимися.

¹⁰⁰) У L. Rabus'a ibid. (см. примѣч. 94-е) p. 174—175.

¹⁰¹) Ibid. p. 183.

modo alios convincendi», во второй—«de modo alios refutandi», въ третьей—«de modo sese defendendi», въ четвертой—«de methodo disputandi» и въ пятой—«de methodo docendi»¹⁰²). Какъ извѣстно, Кантъ требуетъ, чтобы логика (или, по крайней мѣрѣ, «allgemeine Logik» — въ отличіе отъ «transcendentale Logik») оставалась исключительно на почвѣ изученія формъ нашей мысли и нисколько не касалась ея содержанія. Логика должна, по Канту, трактовать о мышленіи совершенномъ только въ отношеніи формъ, а не по содержанію, о мышленіи, насколько таковому лишь принадлежитъ правильность формъ (formale Wahrheit), а не познание объективной истины (materiale Wahrheit)¹⁰³). Теоретическое разсмотрѣніе формъ мысли лишь по отношенію къ тому, насколько послѣднія совершенны, сами по себѣ,—все равно, приходитъ-ли наша мысль, вливаясь въ такія формы, къ познанію истины или нѣтъ, и должно составить первый отдѣлъ логики—аналитику. Но, положимъ, мы игнорируемъ то обстоятельство, что логика обезпечиваетъ намъ лишь правильность нашей мысли въ формальномъ отношеніи, а не познаніе объективной истины. Положимъ, мы посмотримъ на выполненіе законовъ логики, какъ на достаточную гарантію истинности нашихъ мыслей, и пытаемся построить систему познанія, руководствуясь исключительно правилами логики. Мы, положимъ, при этомъ не разбираемъ критически содержанія нашихъ мыслей вовсе, не заботимся вовсе о томъ, чтобы наши идеи были правильны не только по формѣ своей, но и по содержанію. Конечно, мы добьемся въ результатъ лишь правды кажущейся, которая, быть можетъ, далеко не будетъ одинакова съ правдой дѣйствительной. Разсмотрѣніе такого рода дѣятельности нашей мысли составляетъ у Канта второй отдѣлъ логики вообще—діалектику, которую онъ называетъ «die Logik des Scheins, ars sophistica, disputatoria»¹⁰⁴). Такимъ образомъ и Кантъ все-же еще признаетъ

¹⁰²) «Philosophiae Wolfianae contractae» tom. I ed. J. Fr. Stiebritz. Halae Magdeb. 1744. «Philosophiae rationalis sive logicae pars II practica» § 952—1104 (p. 335—376). Ср. проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 173—175.

¹⁰³) Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794. «Vorrede zur zweiten Ausgabe» p. VII—IX; ibid. p. XXIII; ibid. p. 76—80; ibid. p. 87; «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann. 4-er Bd. (Hefte 20—21) «Logik». Brl. 1869 p. 12—17; ibid. p. 22—23; ibid. p. 40; ibid. p. 44; ibid. p. 56.

¹⁰⁴) Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 82—88; «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann. 4-er Bd. (Hefte 20—21) «Logik». Brl. 1869 p. 18—19.

необходимымъ, такъ сказать, считаться съ тѣмъ взглядомъ на логику, о которомъ мы говоримъ, признаетъ необходимымъ разсуждать о томъ, какъ мы иногда добиваемся *кажущейся правды*, — разсуждать о софистическомъ искусствѣ объ искусствѣ вести споры. Впрочемъ въ изданной G. B. Jäsche логикѣ мы отдѣла діалектики не находимъ, и Кантъ самъ считаетъ въ высшей степени недостойнымъ для философа занятіемъ трудиться надъ разработкой подобнаго рода искусства (Kultur einer solchen Kunst)¹⁰⁵⁾, а въ его «трансцендентальной логикѣ» отдѣлъ этотъ («трансцендентальная діалектика»)¹⁰⁶⁾ могъ имѣть для него особый метафизическій интересъ, да и «трансцендентальная діалектика» представляетъ у Канта не ученіе о томъ, какъ *добиваться* кажущейся правды, а *критическое обсужденіе* подобнаго рода приѣмовъ мысли и выводовъ, къ которымъ мы при этомъ приходимъ. — О такомъ раздѣленіи логики на аналитику и діалектику продолжаютъ трактовать L. H. Jacob¹⁰⁷⁾ и J. G. C. C. Kiesewetter¹⁰⁸⁾. — Далѣе укажемъ на то обстоятельство, что Fr. Schleiermacher въ своей «Діалектикѣ» задался между прочимъ цѣлью обсудить, какъ должно вести разговоры и разсужденія (Gesprächführung) въ области чистой мысли¹⁰⁹⁾. — Наконецъ, I. Watts называетъ логику «l'art de bien conduire la raison dans la recherche et la transmission de la vérité»¹¹⁰⁾.

¹⁰⁵⁾ См. въ послѣднемъ (примѣч. 104-е) сочиненіи Канта р. 18.

¹⁰⁶⁾ См. Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794.

¹⁰⁷⁾ L. H. Jacob «Grundriss der allgemeinen Logik und kritische Anfangsgründe der allgemeinen Metaphysik». 3-te Aufl. Frankf. u. Leipz. 1794. — L. H. Jacob посвящаетъ цѣлый отдѣлъ діалектикѣ или — вѣрнѣе — критикѣ діалектики. См. р. 169—236.

¹⁰⁸⁾ J. G. C. C. Kiesewetter „Grundriss einer allgemeinen Logik nach Kantischen Grundsätzen zum Gebrauch für Vorlesungen, begleitet mit einer weitem Auseinandersetzung für diejenigen, die keine Vorlesungen darüber hören können». I Th. 3-te Aufl. Brl. 1802. II Th. Brl. 1796 I Th. S. 6; ibid. I Th. S. 10; ibid. I Th. S. 144; ibid. I Th. «Weitere Auseinandersetzung des Abrisses einer reinen allgemeinen Logik» p. 12—13; ibid p. 26—27; ibid p. 472. — Цѣлый отдѣлъ логики — «Die angewandte allgemeine Logik» (II Th.), онъ называетъ діалектикой, употребляя этотъ терминъ въ Кантовскомъ смыслѣ (ср. ibid. II Th. p. 3; ibid. II Th. «Weitere Auseinandersetzung der angewandten allgemeinen Logik» S. 7).

¹⁰⁹⁾ Fr. Schleiermacher «Literarischer Nachlass. Zur Philosophie. II-en Bdes 2-te Abth. Dialektik». Brl. 1839. S. 19 Anm. Cp. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 61; Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1881 p. 232; K. A. v. Reichlin-Meldegge «System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. II-te Abth. «System der Logik» S. 16.

¹¹⁰⁾ I. Watts «Logique ou le légitime usage de la raison dans la recherche de la vérité», trad. par M. E. Jouffroy. Par. 1846 p. 1.

ГЛАВА II.

Нѣмецкіе ученые, игнорируя до нѣкоторой степени тѣ теченія, которыя принимаетъ наша наука въ Англіи и во Франціи и не обращая вниманія на такъ называемую индуктивную логику, обыкновенно различаютъ въ логикѣ два главныхъ направленія: «формальное», въ обширномъ смыслѣ этого слова, и «спекулятивное», «онтологическое», «реальное» или «метафизическое». При этомъ они часто подраздѣляютъ первое на «формальное, въ тѣсномъ смыслѣ», «чисто формальное», «формалистическое», «субъективно формальное», съ одной стороны, и «формальное, въ широкомъ значеніи этого слова», «идеально-реальное» — съ другой.

Fr. Alb. Lange, повидимому, признаетъ только два направленія въ нашей наукѣ: чисто формальное и то, которое до известной степени объединяетъ логику съ метафизикой, или, по крайней мѣрѣ, вноситъ въ логику метафизическій элементъ. Никакихъ дальнѣйшихъ подраздѣленій онъ не дѣлаетъ ¹¹¹⁾. То-же слѣдуетъ сказать и о Fr. Harms'ѣ ¹¹²⁾. M. Katzenberger говоритъ, что въ новое время ясно обнаружилось въ логикѣ два направленія: чисто формальное и—спекулятивное, реальное или онтологическое. Но и въ предѣлахъ этихъ направленій нужно различать разные ступени ¹¹³⁾. Чистый формализмъ въ логикѣ доведенъ Кантомъ и его послѣдователями до крайнихъ предѣловъ ¹¹⁴⁾. Ad. Trendelenburg также признаетъ два главныхъ направленія въ нашей наукѣ: формальное и то направленіе, приверженцы котораго стоятъ

¹¹¹⁾ См. Fr. Alb. Lange «Logische Studien». Iserl. 1877.

¹¹²⁾ Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1881 p. 1—3.

¹¹³⁾ M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 25; *ibid.* p. 53.

¹¹⁴⁾ *Ibid.* p. 38.

за діалектическій методъ ¹¹⁵). При этомъ онъ объявляетъ, что формальное направленіе рѣзко выдвинулось, только благодаря Канту, съ которымъ оно опять и падаетъ ¹¹⁶). Herm. Ulrici говоритъ о спорѣ между такъ называемой формальной или психологической логикой и—спекулятивной, метафизической ¹¹⁷). Самъ онъ обѣщаетъ держаться середины между этими двумя направленіями ¹¹⁸). G. Hagemann различаетъ формальную и спекулятивную логику, причемъ требуетъ, чтобы логики формальной не смѣшивали съ «формалистической (formalistische)» ¹¹⁹). Наконецъ, Fr. Ueberweg утверждаетъ, будто «логика, какъ ученіе о познаниі (Erkenntnis-lehre) держится середины между обыкновенной, такъ называемой формальной или—точнѣе—субъективно-формальной логикой..... и логикой, отождествленной съ метафизикой» ¹²⁰). Подобное-же дѣленіе принимаетъ J. Delboeuf, который выставляетъ рубрики: «la logique formelle, la logique spéculative, la logique idéelle-réelle» ¹²¹).

Не будемъ говорить о достоинствахъ и недостаткахъ такого раздѣленія. Разсмотримъ каждое изъ названныхъ направленій, не вдаваясь въ подобное обсужденіе. Условимся только напередъ называть то направленіе, которое обозначаютъ именемъ «метафизическаго», «реальнаго», «онтологическаго», «спекулятивнаго», всегда «метафизическимъ», —то, которое носить у различныхъ авторовъ названіе «чисто формальнаго», «формалистическаго», «субъективно-формальнаго», —направленіемъ «формальнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ», и—то, къ которому прилагаютъ терминъ «формальнаго, въ широкомъ смыслѣ», «идеально-реальнаго», — «формальнымъ, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», а оба послѣднія вмѣстѣ—направленіемъ «формальнымъ вообще», «формальнымъ, въ обширнѣйшемъ смыс-

¹¹⁵) Ad. Trendelenburg «Logische Untersuchungen». Bde I—II. 3-te Aufl. Leipz. 1870. См. Bd. I.

¹¹⁶) Ibid. Bd. I. S. 15.

¹¹⁷) Herm. Ulrici «System der Logik». Leipz. 1858. «Vorwort» p. III.

¹¹⁸) Ibid. «Vorwort» p. IV; ibid. p. 80—81.

¹¹⁹) G. Hagemann «Elemente der Philosophie. I. Logik und Noetik». 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887 p. 11—13; cp. ibid. p. 15—19.

¹²⁰) Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 1; cp. «Vorrede des Verfassers» p. V—VI; ibid. p. 1—12.

¹²¹) J. Delboeuf «Essai de logique scientifique». Liège 1865 p. 21. Cp. ibid. p. 21—31.

лѣ». Прибѣгая къ этимъ терминамъ, мы такимъ образомъ можемъ сказать, что Нѣмецкіе ученые обыкновенно различаютъ логику формальную вообще и логику метафизическую, причемъ они формальное направленіе подраздѣляютъ на — «формальное, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», и «формальное, въ тѣсномъ смыслѣ».

Остановимся прежде всего на формальной логикѣ.

Логика формальная вообще имѣетъ цѣлью разсмотрѣть формы, въ которыя необходимо складывается наша мысль, когда таковая правильна, когда мы приходимъ къ дѣйствительному познанію, къ познанію истины. Такимъ образомъ представители этого направленія обсуждаютъ не *содержаніе* человеческой мысли, а ея *формы*, откуда и самое направленіе получило свое названіе «формальнаго». Притомъ формальная логика разсматриваетъ не всякаго рода формы мысли, а только формы *правильнаго* мышленія, нормальныя формы мысли, нормы формъ мысли: приверженцы интересующаго насъ направленія стремятся опредѣлить, описать намъ подобныя нормы. Таковъ общій характеръ формальной логики. Итакъ, послѣдняя трактуетъ о формахъ, а не о содержаніи нашей мысли. Нѣкоторые изъ представителей формальнаго направленія и требуютъ, чтобы наша наука не касалась содержанія мысли нисколько, чтобы логика всецѣло, исключительно была посвящена изученію формъ мысли человеческой. Но эта наука имѣетъ предметомъ своего разсмотрѣнія *нормальныя* формы мысли, — формы, при которыхъ мысль наша приходитъ къ познанію истины, при которыхъ наша мысль протекаетъ правильно. Такъ какъ логика должна остаться въ области формъ мысли и отнюдь не входить въ обсужденіе ея содержанія, то наука эта, говоря намъ, указываетъ нормы, придерживаясь которыхъ, мысль наша протекаетъ правильно лишь въ отношеніи формъ своихъ, а не въ отношеніи содержанія, только въ формальномъ отношеніи, а не въ отношеніи формъ и содержанія. Выполненіе правилъ логики обезпечиваетъ намъ лишь правильность нашей мысли въ формальномъ отношеніи (*formale Wahr-*

heit), а не по отношенію къ содержанію (materiale Wahrheit). Если мы слѣдовали предписаніямъ логики, мы еще не имѣемъ права сказать, что наши разсужденія, дѣйствительно, правильны, что мы должны были прійти къ правдивымъ заключеніямъ. Можетъ случиться, что неправильная по содержанію мысль выльется въ нормальныя формы, будетъ правильна по своей формѣ. «Истинность формальная» (formale Wahrheit) можетъ имѣть мѣсто и тамъ, гдѣ нѣтъ еще «истинности матеріальной» (materiale Wahrheit). «Истинность формальная» — истинность относительная, и только такую имѣетъ въ виду наука логики, только такую гарантируетъ намъ соблюденіе правилъ логики. Такъ стараются поставить дѣло представители логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ». Итакъ, «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», логика опредѣляетъ формы, въ которыя необходимо вливается наша мысль, когда таковая правильна, нормальныя формы человѣческой мысли. Но, оставаясь исключительно въ области формъ мысли и не касаясь нисколько ея содержанія, приверженцы такого направленія оговариваются, — что они разсматриваютъ мысль, какъ таковая остается правильной по своимъ формамъ, а не по содержанію или въ отношеніи формъ и содержанія. Подобная оговорка и характеризуетъ намъ различіе ¹²²⁾ между логикой «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и — «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Ученые и мыслители, которые придерживаются направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», также объявляютъ, что задаются цѣлью обсуждать формы мысли, а не ея содержаніе, — формы, вливаясь въ которыя наша мысль остается правильной. Но логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», имѣетъ предметомъ своего изученія формы, при которыхъ мысль человѣка правильна не только въ отношеніи формальномъ, но и по своему содержанію. Соблюденіе правилъ логики должно здѣсь гарантировать насъ въ томъ, что мысль наша будетъ правильной не только по формѣ своей, но и по содержанію, что наша

¹²²⁾ Мы ниже подробнѣе разсмотримъ вопросъ объ отношеніи между логикой „формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“, и — „формальной, въ тѣсномъ смыслѣ“

мысль не только выльется въ правильныя формы и достигнетъ «формальной истинности» (formale Wahrheit), но и прійдетъ къ достовѣрнымъ выводамъ, къ познанію истины, — достигнетъ «истинности матерьяльной» (materiale Wahrheit).

Какъ то, такъ и другое направленіе въ логикѣ имѣетъ весьма много представителей.

Впрочемъ сдѣлаемъ здѣсь одно замѣчаніе. Когда рѣчь идетъ о такомъ или иномъ направленіи въ нашей наукѣ, мы, рассматривая сочиненія разныхъ авторовъ, не придаемъ особаго значенія употребленію термина «формы мысли». Мы пользуемся подобными терминами при характеристикѣ такъ называемой формальной логики, какъ терминами, у послѣдователей этого направленія наиболѣе употребительными. Но, прибѣгая къ такимъ терминамъ, мы только хотимъ выставить на видъ, что «формальная» логика занята не разборомъ содержанія нашей мысли, а разсмотрѣніемъ того, какъ наша мысль протекаетъ, какіе пути, какіе обороты она принимаетъ, «въ какія формы, говоримъ мы, она складывается или вливается». Трактуетъ-ли тотъ или другой ученый или мыслитель о «формахъ» мышленія или о способахъ, о пріемахъ мысли, о законахъ мышленія и т. д., — это обстоятельство для насъ не имѣетъ значенія, когда мы хотимъ рѣшить, въ какомъ направленіи данное сочиненіе написано, въ формальномъ или нѣтъ. Можно говорить о формахъ, способахъ, пріемахъ и законахъ мышленія и въ духѣ логики формальной вообще, и ставъ на иную точку зрѣнія (хотя-бы примкнувъ, на примѣръ, къ направленію метафизическому). Употребленіе того или другаго изъ названныхъ терминовъ нисколько не рѣшаетъ дѣла. Однимъ и тѣмъ-же терминомъ могутъ пользоваться представители различныхъ школъ.

Начнемъ съ послѣдователей направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова».

Аристотель, котораго обыкновенно считаютъ основателемъ науки логики вообще, основываетъ въ то-же время и логику «формальную, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова» ¹²³⁾. Мы ука-

¹²³⁾ Вопросы о томъ, что въ «Органонѣ» Аристотеля можно найти и метафизическій элементъ, мы коснемся ниже. А пока не будемъ обращать вниманія на это обстоятельство.

зали на двѣ характерныя особенности этого послѣдняго направленія: а) логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», разсматриваетъ формы мысли,—въ отличіе отъ ея содержанія; б) она при этомъ опредѣляетъ такія формы, вливаясь въ которыя мысль наша протекаетъ правильно и правильно нетолько въ формальномъ отношеніи, но и по отношенію къ своему содержанію,—формы, при которыхъ мы приходимъ къ познанію истины. Что Аристотель въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя составили его «Органонъ», обсуждаетъ именно *формы* человѣческой мысли, а не ея содержаніе,—это едва-ли кто сталъ-бы подвергать сомнѣнію. О чемъ-же и трактуетъ обыкновенно формальная логика, какъ не о *формалъ* понятія, сужденія и силлогизма? А на этой области и сосредоточиваетъ Аристотель въ логическихъ трактатахъ все свое вниманіе. Притомъ Аристотель смотритъ на рекомендуемыя имъ формы, какъ на такія, которыя должны гарантировать намъ нетолько правильность нашихъ разсужденій въ формальномъ отношеніи, но и дѣйствительное познаніе истины. Въ этомъ можетъ насъ убѣдить любая страница его сочиненій¹²⁴⁾. Повторяемъ, основателемъ направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», является Аристотель¹²⁵⁾.

¹²⁴⁾ Ad. Trendelenburg совершенно справедливо замѣчаетъ, что формальная логика, т. е. логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», отнюдь не имѣетъ права называться Аристотелевскою (см. «Logische Untersuchungen». Bde I—II. 3-te Aufl. Leipz. 1870. Bd. I. S. 30—33). Ср. M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 26—28; Joh. H. Loewe «Lehrbuch der Logik». Wien 1881. «Vorwört» p. III.

¹²⁵⁾ Намъ кажется, что J. Delboeuf неправъ, когда онъ, повидимому, склоняется къ мнѣнію, будто Аристотель частью придерживается направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», частью «формального, въ тѣсномъ смыслѣ». Аристотель «опредѣляетъ истинность, говоритъ J. Delboeuf, какъ истинность матерьяльную, а отнюдь не какъ истинность формальную: присутствіе или отсутствіе вещи, утверждаетъ онъ (sc. Аристотель), дѣлаетъ разсужденіе правильнымъ или ложнымъ. Но при этомъ онъ не стремится выяснитъ постоянный параллелизмъ между формами и операціями мысли, съ одной стороны, и формами и операціями вещей (les opérations des choses),—съ другой, какъ это дѣлаетъ, на примѣръ, Ueberweg» (см. «Essai de logique scientifique». Liège 1865 p. 25—26. Впрочемъ свои разсужденія о разныхъ направленіяхъ въ логикѣ J. Delboeuf ведетъ уже на стр. 24-й и здѣсь между прочимъ называетъ Аристотеля сенсуалистомъ. Но отъ этого послѣдняго взгляда нашъ авторъ въ послѣдствіи отказался. См. ibid. «Avant-propos» p. III.). Какъ будто для того, чтобы направленіе того или иного сочиненія по логикѣ оказалось «формальнымъ, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», авторъ трактата долженъ признать подобный параллелизмъ, а

Такого-же направленія придерживаются въ древнемъ мірѣ и вѣрные своему великому учителю Перипатетики, а также весьма многочисленные представители другихъ философскихъ школъ послѣ—Аристотелевскаго періода. Сюда-же между прочимъ можно причислить и Стоиковъ, если мы у нихъ отбросимъ все, что обусловливается стремленіемъ обратить логику въ какое-то ученіе о томъ, какъ вести разговоры и споры, и—мало того—включить сюда еще обсужденіе цѣлаго ряда вопросовъ, которые прямо относятся къ области языкознанія ¹²⁶⁾.

Въ средніе вѣка интересующее насъ направленіе опять таки является господствующимъ, можно сказать, единственнымъ ¹²⁷⁾,—

отрицать таковой значить склониться къ направленію «формальному, въ тѣсномъ смыслѣ»! Соглашались-ли мы утверждать такой параллелизмъ или нѣтъ,—это нисколько не обязываетъ насъ ни принять точку зрѣнія логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», ни примкнуть къ направленію «формальному, въ тѣсномъ смыслѣ». а) Можно утверждать, будто формы и операціи мысли нашей вполне соответствуютъ формамъ вещей, и все-же оставаться на почвѣ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», все-же говорить, что наука логики имѣетъ задачей своей только разсмотрѣть формы, вливаясь въ которыя мысль наша остается правильной въ формальномъ отношеніи, а вопроса о томъ, приходимъ-ли мы при этомъ къ познанію истины или нѣтъ, не касается вовсе, что соблюденіе правилъ логики гарантируетъ намъ такимъ образомъ все-же лишь «формальную», а не «матерьяльную истинность». б) Можно, не признавая такого параллелизма, держаться въ логикѣ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ»: съ этимъ, повидимому, соглашается и J. Delboeuf. в) Можно, согласившись утверждать подобный параллелизмъ, примкнуть къ направленію «формальному, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова»: это опять таки вполне гармонируетъ съ мнѣніемъ нашего автора. д) Наконецъ, мы можемъ отрицать параллелизмъ между *формами* мышленія и *формами* вещей и все-же объявить, что познаніе истины возможно, что логика занимается разсмотрѣніемъ формъ мысли, при которыхъ мы приходимъ къ познанію «матерьяльной правды»,—словомъ, стать на точку зрѣнія логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Вѣдь, можно утверждать, что мы формы вещей познаемъ, но что таковыя вовсе не сходны съ формами, въ которыя при этомъ вливается наша мысль, съ формами логическими (ср. ниже).—Относительно точки зрѣнія Аристотеля въ этомъ случаѣ ср. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn. 1882. «Vorrede des Verfassers». S. V.

¹²⁶⁾ Ср. выше.

¹²⁷⁾ М. Katzenberger, правда, замѣчаетъ, что «позднѣйшіе (т. е., уже въ средніе вѣка) Перипатетики и комментаторы (sc. Аристотеля) большей частью довольствуются «плѣною поверхностью», тщательно приводятъ въ порядокъ основныя положенія и правила логики, избираютъ къ тому-же наиболѣе абстрактныя формулы и называютъ таковыя *чисто формальной* логикой Аристотеля» («Wissenschaft vom logischen Denken». I Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz.

если не принимать въ расчетъ такихъ взглядовъ, которые оказываются уже крайне односторонними ¹²⁸⁾ и которые, правда, все-

1858 p. 28). А нѣсколько ниже М. Katzenberger трактуетъ о «принадлежащемъ духу того времени чисто формальномъ и абстрактномъ образѣ мышленія» (ibid. p. 31). Но если представители средневѣковой науки и рассматриваютъ преимущественно наиболѣе абстрактныя логическія формулы, если они при этомъ и любятъ говорить о чисто формальной Аристотелевской логикѣ, если, наконецъ, весь образъ мышленія въ то время былъ чисто формальнымъ и абстрактнымъ,—если, говоримъ мы, все это и признать справедливымъ, все-же придется сказать, что авторы логическихъ трактатовъ въ средніе вѣка стояли на почвѣ направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», а не — «формального, въ тѣсномъ смыслѣ». Ибо о томъ, будто выполнять предписанія логики значить обезпечить для нашей мысли только «формальную истинность», а не — «истинность матеріальную», ученые этого періода и не заговариваютъ вовсе. Какъ-бы абстрактны ни были тѣ формулы, которыя разбираютъ представители логики въ средніе вѣка, эти послѣдніе всегда были убѣждены, что, придерживаясь такихъ формулъ, человѣкъ приходитъ къ познанію истины, а не гарантируетъ себѣ только правильность своихъ разсужденій въ формальномъ отношеніи.—Нужно отнестись съ большою осторожностью также и къ мнѣнію J. Delboeuf'a. Послѣдній, сказавъ нѣсколько словъ объ Аристотелѣ и переходя къ средневѣковому періоду, говоритъ: «Послѣ Аристотеля логика, можно сказать, вообще вполнѣ формальна» («Essai de logique scientifique». Liège 1865 p. 26). «Въ средніе вѣка смотреть на истину, какъ на нѣчто такое, что даровано Откровеніемъ, и логика не имѣетъ иной миссіи, какъ помогать намъ выводить однѣ откровенныя истины изъ другихъ, показывать связь такихъ истинъ однихъ съ другими и съ вполнѣ субъективными принципами логики... Схоластика опиралась на предположеніе, будто между мышленіемъ и бытіемъ имѣетъ мѣсто отношеніе тождества» (ibid. p. 26). Въ примѣч. 125-мъ мы уже старались показать, что, существуетъ-ли между формами мысли и формами вещей или, иначе выражаясь, между «мышленіемъ и бытіемъ» извѣстный параллелизмъ, извѣстное сходство или нѣтъ,—такое, а не иное рѣшеніе этого вопроса не можетъ еще обуславливать нашъ выборъ между двумя направленіями въ логикѣ: «формальнымъ, въ болѣе широкомъ», и — «въ тѣсномъ смыслѣ этого слова». Съ другой стороны, всякій, кто подобное сходство отрицаетъ, также имѣетъ еще возможность выбрать изъ двухъ названныхъ направленій любое. Интересно, между прочимъ, что J. Delboeuf (ibid. p. 25. Ср. наше примѣч. 125-е) доказываетъ, будто Аристотель до нѣкоторой степени придерживается логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ»,—доказываетъ, ссылаясь на то, что «основатель» нашей науки старается выставить на видъ соотвѣтствіе между формами мысли и формами вещей, а на слѣдующей страницѣ того-же сочиненія утверждаетъ, будто схоластическая логика была «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и какъ-бы въ доказательство добавляетъ: «схоластика признаетъ тождество между мышленіемъ и бытіемъ». Такимъ образомъ если эту послѣднюю прибавку принять за доказательство, то выходитъ, что одинъ разъ J. Delboeuf доказываетъ направленіе «формальное, въ тѣсномъ смыслѣ», тѣмъ, что въ рассматриваемыхъ имъ трактатахъ нѣтъ разсужденій о соотвѣтствіи между «мышленіемъ и бытіемъ», а въ другомъ случаѣ—тѣмъ, что такое соотвѣтствіе признается. Далѣе J. Delboeuf говоритъ,

же, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой степени подчиняли себѣ умы ученыхъ этого періода ¹²⁹⁾.

что въ средніе вѣка «смотреть на истину, какъ на нѣчто такое, что даровано Откровеніемъ». Это обстоятельство опять таки нисколько не опредѣляетъ того направленія, которое въ средневѣковой періодъ должно было оказаться господствующимъ. Примкнемъ-ли мы въ логикѣ къ направленію «формальному, въ тѣсномъ смыслѣ», или—«въ болѣе широкомъ значеніи этого слова»,—это зависитъ только отъ того, какъ мы будемъ смотрѣть на нормы, которыя рекомендуетъ намъ логика, будемъ-ли мы думать, что таковыя нормы гарантируютъ намъ лишь правильность нашихъ разсужденій въ формальномъ отношеніи, или скажемъ, что, придерживаясь подобныхъ нормъ, мы приходимъ къ познанію истины. Каковъ-бы ни былъ источникъ человѣческаго знанія, откуда-бы мы наше знаніе ни черпали, какъ-бы мы ни согласились смотрѣть на этотъ пунктъ теоріи познанія, для насъ возможна и та, и другая альтернатива. Мы можемъ сказать: вотъ, источникъ человѣческаго знанія,—и затѣмъ, какъ-бы мы этотъ источникъ ни опредѣлили, дальше можемъ разсуждать о томъ, гарантируютъ-ли тѣ нормы, которыя выставляетъ особая наука, называемая логикой, только правильность нашей мысли въ отношеніи ея формъ или эти нормы обезпечиваютъ намъ познаніе истины,—познаніе, которое человекъ въ концѣ концовъ черпаетъ непремѣнно изъ указаннаго общаго источника знанія. Такимъ образомъ,—если тотъ или другой средневѣковой ученый признаетъ, что истина всегда бываетъ дарована намъ божественнымъ Откровеніемъ, это обстоятельство не устраняетъ для него возможности выбора между двумя направленіями въ логикѣ: «формальнымъ, въ тѣсномъ», и—«формальнымъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ», и мы не имѣемъ права, исходя изъ подобныхъ основаній, объявить представителей средневѣковой науки за приверженцевъ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова». Но въ средніе вѣка, продолжаетъ J. Delboeuf, «логика не имѣла иной миссіи, какъ помогать намъ вывести однѣ откровенныя истины изъ другихъ, показывать связь такихъ истинъ одной съ другою и съ вполне субъективными принципами логики». Не будемъ касаться послѣдней оговорки—«вполнѣ субъективными» принципами логики,—ибо у насъ, именно, въ томъ и вопросъ, были-ли принципы схоластической логики вполнѣ субъективными или нѣтъ,—если подъ вполнѣ субъективными принципами понимать, какъ это, повидимому, дѣлаетъ J. Delboeuf, принципы логики «формальный, въ тѣсномъ смыслѣ». Что схоластическая логика должна была научить, какъ выводить, именно, *откровенныя* истины одну изъ другой и какъ пояснить связь, именно, такихъ истинъ одной съ другой и съ принципами науки логики,—это, говорили мы только что, при рѣшеніи интересующаго насъ вопроса также не имѣетъ значенія. Если-же средневѣковая логика имѣетъ задачей своей только показать, какъ *выводить* одну истину изъ другой и какъ *выяснять связь* разнаго рода истинъ одной съ другой и съ принципами логическими, то и это не даетъ намъ права утверждать, будто логика въ средніе вѣка была «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ». Повторяемъ, послѣдователи направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», вовсе не стремятся обезпечить намъ своими предписаніями познаніе истины: нормы, ими выставляемыя, лишь должны гарантировать правильность нашихъ разсужденій въ формальномъ отношеніи. А если средневѣковые ученые разсуждаютъ о томъ, какъ приводить въ связь одну откровенную истину съ другою и какъ выводить такіа

И въ новое время логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», находитъ себѣ весьма много приверженцевъ.— Сюда принадлежатъ Р. Gassendus¹³⁰⁾ и Гютчесонъ¹³¹⁾, которые въ общемъ остаются при разборѣ указанныхъ Аристотелемъ логическихъ формъ мысли и, трактуя о формахъ нормальныхъ, всегда имѣютъ въ виду истинность не только «формальную», но и «матерьяльную».— Сюда-же принадлежатъ Лейбницъ¹³²⁾, Chr. Wolff¹³³⁾, Chr. Aug. Crusius¹³⁴⁾ и J. G. H. Feder¹³⁵⁾.

истины одну изъ другой, то неужели они при этомъ думаютъ, будто соблюденіе предписываемыхъ ими правилъ обеспечиваетъ только правильность такого рода операций въ отношеніи формъ, въ которыя тутъ наша мысль складывается, а не— «объективную истинность» нашихъ выводовъ? Очевидно, нѣтъ. Итакъ, приходится признать, что средневѣковая логика была «формальной, въ болѣе широкомъ», а не— «въ тѣсномъ смыслѣ этого слова».

¹²⁸⁾ Ср. выше.

¹²⁹⁾ Мы не называемъ здѣсь именъ, потому что разсужденія о понятіи, сужденіи и силлогизмѣ мы встрѣчаемъ тутъ въ каждомъ логическомъ трактатѣ. Съ другой стороны, средневѣковые ученые всегда имѣютъ въ виду истинность нашей мысли—не «формальную», а «матерьяльную». Они говорятъ о формахъ, при которыхъ мы достигаемъ познанія истины. Называть здѣсь имена значило-бы, быть можетъ, перечислять всѣхъ, кто въ средніе вѣка писалъ что-либо по логикѣ (исключая развѣ ученыхъ, которые уже всецѣло предались какому-либо изъ вполне одностороннихъ, разобранныхъ выше направлений).

¹³⁰⁾ Petri Gassendi «Opera omnia». T. I. Pars I. «Logica». Lugduni. Опре-
дѣленіе логики см. p. 32.

¹³¹⁾ Франциска Гютчесона «Сокращеніе логики», пер. на Росс. яз. А. Этеромъ. Спб. 1819 (рядомъ съ переводомъ приведенъ здѣсь и подлинный текстъ).
Опредѣленіе логики см. стр. 10.

¹³²⁾ G. G. Leibnitii «Opera philosophica, quae exstant latina, gallica, germana omnia» ed. J. Ed. Erdmann. Brl. 1840.

¹³³⁾ «Philosophiae Wolfianae contractae» tom I ed. J. Fr. Stiebritz. Halae Magdeb. 1744; Chr. Wolfii „Cogitationes de viribus intellectus humani earumque usu legitimo in veritatis cognitione“. Ed. nova. Franc. et Lips. 1740.

¹³⁴⁾ Chr. Aug. Crusius «Weg zur Gewissheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniss». 2-te Aufl. Leipz. 1762. Cp. p. 26; ibid. p. 100—101; ibid. p. 108.—На стр. 97—98 Chr. Aug. Crusius разсуждаетъ о различіи между «объективной» и «субъективной правдой» (objectivische und subjectivische Wahrheit). Это обстоятельство могло-бы наводить на мысль, будто нашъ авторъ стоитъ за логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ». На самомъ дѣлѣ, это не такъ. «Можно, говорить онъ здѣсь, или взять объектъ въ его отношеніи къ возможному разсудку и разсматривать его только, какъ нѣчто такое, что можетъ быть познаваемо; или-же можно говорить о взаимномъ отношеніи между объектомъ и дѣйствительнымъ разсудкомъ, которымъ таковой объектъ познаны. Поэтому различаютъ правду объективную или метафизическую, которая есть ничто иное,

М. Katzenberger, не говоря ничего, собственно, о Лейбницѣ и только озаглавивъ соответствующій параграфъ: «Die Leibnitz—Wolff'sche Logik»¹³⁶⁾, причисляетъ Chr. Wolff'a и J. G. H. Feder'a¹³⁷⁾ къ представителямъ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ»¹³⁸⁾, а Chr. Aug. Crusius'a считаетъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ такого формализма¹³⁹⁾. И, опираясь главнымъ образомъ на М. Katzenberger'a, J. Delboeuf также находитъ «формализмъ» въ логикѣ у Лейбница, Chr. Wolff'a и J. G. H. Feder'a, Chr. Aug. Crusius'a-же объявляетъ за

какъ дѣйствительность или возможность самаго объекта, насколько мы его вообще рассматриваемъ, какъ нѣчто такое, что можетъ быть познано какимъ-либо разумомъ, и правду субъективную или логическую (logikalische), т. е. правду въ, дѣйствительно, данномъ разсудкѣ, именно, то отношеніе между представленіями такого разсудка и объектами, благодаря которому между разумомъ и объектами получается соответствіе и, слѣдовательно, разумокъ познаетъ истину. А потому всякая объективная правда оказывается въ божественномъ Разсудкѣ правдой субъективной. Мы должны имѣть въ виду субъективную правду въ человѣческомъ разсудкѣ» (ibid. p. 97—98). Очевидно, Chr. Aug. Crusius говоритъ здѣсь о «субъективной правдѣ» не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ этотъ терминъ представители логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ». «Субъективная правда» у него вовсе не исчерпывается правильностью нашихъ разсужденій въ формальномъ отношеніи. Подъ «субъективной правдой» Chr. Aug. Crusius разумѣетъ, въ нашемъ, обыкновенномъ смыслѣ слова, «объективную истинность», только «объективную правду», когда таковая становится достояніемъ данного человѣческаго разсудка,—въ отличіе отъ объективной истины, когда мы ее рассматриваемъ, какъ нѣчто такое, что можетъ познать всякій, а не непременно данный человѣческій разумокъ. Такимъ образомъ Chr. Aug. Crusius, трактуетъ о вопросахъ логики, все-же имѣетъ постоянно въ виду познаніе истины, а не формальную только правильность нашихъ разсужденій. Его логика должна научить насъ, какъ добиваться познанія истины, а не «правды формальной» только. Итакъ, Chr. Aug. Crusius, несмотря на свои разсужденія о «правдѣ субъективной» и «объективной», стоитъ на почвѣ логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», а не—«въ тѣсномъ смыслѣ».

¹³⁵⁾ J. G. H. Feder „Grundriss der philosophischen Wissenschaften“. 2-te Aufl. Coburg 1769.

¹³⁶⁾ M. Katzenberger „Wissenschaft vom logischen Denken“. I Th. „Die Grundfragen der Logik“. Leipz. 1858 p. 31.

¹³⁷⁾ Мы изъ авторовъ „эпохи Нѣмецкаго просвѣщенія“ назвали выше, кромѣ Лейбница и Chr. Wolff'a, для примѣра, только двухъ: Chr. Aug. Crusius'a и J. G. H. Feder'a, и, разбирая вопросъ о томъ, какое направленіе въ эту эпоху принимаетъ логика, останавливаемся только на сочиненіяхъ этихъ ученыхъ.

¹³⁸⁾ Ibid. p. 32.

¹³⁹⁾ Ibid. p. 33.

противника подобнаго «формализма», причемъ прямо ставить Лейбница на ряду съ Кантомъ, который, какъ мы ниже увидимъ, является основателемъ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и J. Fr. Herbart'омъ ¹⁴⁰⁾. Говоря о Chr. Wolff'ѣ и Chr. Aug. Crusius'ѣ, M. Katzenberger ссылается на Канта ¹⁴¹⁾, но послѣдній хвалитъ Chr. Wolff'a и порицаетъ Chr. Aug. Crusius'a въ выраженіяхъ настолько неопредѣленныхъ, что по его словамъ вовсе нельзя судить о томъ, какое направленіе онъ имъ приписываетъ ¹⁴²⁾. Больше ничѣмъ M. Katzenberger своего мнѣнія, собственно, не подтверждаетъ. Что-же касается J. Delboeuf'a, то онъ, проводя параллель между Аристотелевской логикой и логикой «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и стараясь, повидимому, охарактеризовать это послѣднее направленіе, говорить: «Мышленіе человѣка находится въ извѣстномъ отношеніи къ вещамъ: оно стремится болѣе или менѣе вѣрно воспроизводить вещи. Какъ можетъ оно осуществить такое стремленіе? Одни утверждаютъ, будто мысль наша должна для этого шагъ за шагомъ идти за вещами, приспособляться къ нимъ, модифицироваться, когда модифицируются вещи, никогда не отдаляться отъ вещей, а ежеминутно сравнивать результаты, которые она выводитъ, съ фактами, которые наблюдаетъ. Таково мнѣніе сенсуалистовъ вообще, и Аристо-

¹⁴⁰⁾ J. Delboeuf „Essai de logique scientifique“. Liège 1865 p. 26 (прим.)
Ср. p. 24—25.

¹⁴¹⁾ M. Katzenberger „Wissenschaft vom logischen Denken“. I Th. „Die Grundfragen der Logik“. Leipz. 1858 p. 32—33.

¹⁴²⁾ „Unter den neueren Weltweisen giebt es zwei, welche die allgemeine Logik in Gang gebracht haben: Leibnitz und Wolf... Die allgemeine Logik von Wolf ist die beste, welche man hat. Einige haben sie mit der Aristotelischen verbunden, wie z. B. Reusch... Zu den neueren Logikern gehört auch Crusius, der aber nicht bedachte, was es mit der Logik für ein Bewandniss habe. Denn seine Logik enthält metaphysische Grundsätze und überschreitet insofern die Grenzen dieser Wissenschaft; überdies stellt sie ein Kriterium der Wahrheit auf, das kein Kriterium sein kann und lässt also insofern allen Schwärmereien freien Lauf“ (Imm. Kant „Sämmtliche Werke“, herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. Hefte 20—21. „Logik“. Berl. 1869 p. 23). Вотъ все, что говоритъ Кантъ объ этихъ представителяхъ науки логики. Придерживаются-ли они направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ», или—«въ тѣсномъ смыслѣ»,—во всякомъ случаѣ, объ этомъ вопросѣ здѣсь не сказано ничего опредѣленнаго. Можно, основываясь на этихъ словахъ, сдѣлать относительно того, какъ смотритъ Кантъ на логическія теоріи представителей «Нѣмецкаго просвѣщенія» предположенія различныя.

тель—сенсуалистъ ¹⁴³). Другіе—идеалисты предполагаютъ, что наша мысль, независимо отъ приложимости ея къ внѣшнимъ предметамъ, имѣетъ свои собственные законы, что она должна слѣдовать таковымъ и что все то, что согласно съ этими законами, истинно—или и объективно, и субъективно (Leibnitz, Wolff), или только субъективно, тогда какъ объективная истина отъ насъ ускользаетъ (Kant). Другими словами, у Лейбница и Канта мышленіе имѣетъ свои законы, которымъ оно должно слѣдовать: иначе оно перестаетъ быть мышленіемъ. Только Лейбницъ вѣрить, что, слѣдуя этимъ законамъ, наша мысль окажется согласующейся съ вещами, тогда какъ Кантъ предполагаетъ противное ¹⁴⁴). Такимъ образомъ J. Delboeuf какъ-бы склоненъ думать, будто логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», вырастаетъ на почвѣ идеализма,—въ отличіе отъ логики иного направленія и, именно, быть можетъ, логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», которая развивается подъ вліяніемъ сенсуализма. Не будемъ уже говорить о томъ, что это послѣднее направленіе, — направленіе «формальное, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», отнюдь не должно непременно быть соединено съ доктриной сенсуализма. Логика такого направленія можетъ развиваться и, дѣйствительно, развивается весьма и весьма часто также и на почвѣ теоріи познанія съ совершенно инымъ характеромъ ¹⁴⁵). Притомъ-же Аристотель самъ, конечно, вовсе не былъ сенсуалистомъ. Да вообще, какую-бы мы точку зрѣнія въ теоріи познанія ни приняли, лишь-бы наша теорія не была крайне скептической, лишь-бы мы признали познание вообще возможнымъ, мы можемъ примкнуть въ логикѣ, не допуская при этомъ непослѣдовательности, и къ направленію «формальному, въ тѣсномъ», и — «въ болѣе широкомъ смыслѣ». Будемъ-ли мы защищать сенсуализмъ или какую-либо другую доктрину, нашей теоріи познанія мы не будемъ противорѣчить, если скажемъ, что особая наука, называемая логикой,

¹⁴³) Отъ послѣдняго мнѣнія (будто Аристотель былъ сенсуалистомъ) J. Delboeuf впрочемъ внослѣдствіи, какъ мы уже говорили, отказался. См. «Essai de logique scientifique». Liège 1865. «Avant-propos» p. III.

¹⁴⁴) Ibid. p. 24—25.

¹⁴⁵) Средневѣковые ученые вовсе не были сенсуалистами. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, въ этотъ періодъ господствуетъ логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Въ новое время можно подобныя примѣровъ подыскать очень и очень много. Да и вообще можно сказать, что логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», развивается всего менѣе среди мыслителей и ученых, которые примкнули къ сенсуализму.

разсматриваетъ нормы, которыя только обезпечиваютъ намъ правильность нашихъ разсужденій въ формальномъ отношеніи. Съ другой стороны, нашей теоріи познанія, въ какомъ-бы духѣ мы ее ни разрабатывали, не можетъ противорѣчить взглядъ, что нормы, которыя опредѣляетъ наука логики, гарантируютъ не только правильныя формы мысли, но и дѣйствительное познаніе истины. И, какъ логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», вырастаетъ вовсе не непременно на почвѣ сенсуализма, такъ и логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», не должна необходимо вытекать изъ воззрѣній идеалистическихъ. Мы уже сказали, что такая или иная теорія познанія вообще не рѣшаетъ еще нашего выбора между двумя названными направленіями. А потому, если разсматривать идеализмъ, только какъ *теорію познанія*, то придется признать, что эта доктрина можетъ быть соединена какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ направленіемъ въ нашей наукѣ. Разрабатывать логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», мы можемъ и тогда, когда остановимся на иного рода теоріи познанія. И къ такому-же заключенію должны мы прийти, если обратимъ вниманіе на *метафизическіе* взгляды, которые обыкновенно обозначаютъ терминомъ «идеализмъ». Каковы-бы ни были эти взгляды, логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», можетъ развиваться и на ряду съ инымъ метафизическимъ міровоззрѣніемъ. Такія или инныя воззрѣнія въ области метафизики еще не заставляютъ насъ избрать непременно, положимъ, направленіе «формальное, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», или, положимъ, — «формальное, въ тѣсномъ смыслѣ». Какъ-бы ни рѣшали мы различныя вопросы метафизики, мы останемся вполне послѣдовательными, если скажемъ, что особая наука — логика будетъ опредѣлять нормы, придерживаясь которыхъ наша мысль приходитъ къ познанію объективной истины, — конечно, *объективной* истины, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Съ другой стороны, какое-бы мы метафизическое міровоззрѣніе ни усвоили, мы не будемъ противорѣчить себѣ, если объявимъ, что логика устанавливаетъ у насъ лишь такія формы, при которыхъ нашей мысли принадлежитъ «формальная истинность», при которыхъ мысль наша правильна только въ формальномъ отношеніи. Такъ сказать, суть логики, «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», J. Delboeuf находитъ, повидимому, въ томъ, что таковая признаетъ для нашего мышленія *особые законы*, выполняя которые мы приходимъ къ «субъективной правдѣ», какъ онъ выражается (*la pensée est vraie subjective*).

vement), или къ «правдѣ формальной» (formale Wahrheit), какъ обыкновенно говорятъ Нѣмецкіе ученые. И вотъ, Лейбницъ и Chr. Wolff будто-бы при томъ постоянно предполагаютъ, что «субъективная правда» совпадаетъ съ «объективной», а Кантъ утверждаетъ противное. Но логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», характеризуется, какъ мы видѣли, вовсе не тѣмъ, что отверженцы этого направленія признаютъ для мышленія особые законы. Вѣдь, если говорить о законахъ, которымъ должна слѣдовать наша мысль,—особыхъ законахъ, при несоблюденіи которыхъ мышленіе наше «перестаетъ быть мышленіемъ», то имѣютъ въ виду не законы психологическіе, въ которыхъ фактъ мышленія невозможенъ, а предписанія, требованія, которыя должны быть выполнены, чтобы мысль наша была правильной. Что это, дѣйствительно, такъ,—въ этомъ нетрудно убѣдиться. Стоитъ только обратить вниманіе на то обстоятельство, что каждый ученый или мыслитель, разсуждающій о логическихъ законахъ, которыхъ наше мышленіе преступить не можетъ, признаетъ въ то-же время возможными ошибки мысли. Ошибки являются нарушеніемъ этихъ необходимыхъ для нашего мышленія законовъ, и онѣ представляютъ нѣчто психологически возможное. Необходимыми-же логическіе законы оказываются лишь въ томъ смыслѣ, что мысль, несогласная съ такими законами, *непретѣнно ошибочна* и отнюдь не можетъ быть правильной. А при такой постановкѣ дѣла возможно, признавая особые «необходимые» логическіе законы мышленія, сказать, что выполнение предписаній логики гарантируетъ намъ познаніе «матеріальной истины», т. е. стать на почву направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», и, съ другой стороны, мы не будемъ опять таки противорѣчить себѣ, если признаемъ, что, когда мы придерживаемся правилъ логики и не нарушаемъ «необходимыхъ» законовъ мышленія, мы обеспечиваемъ себѣ только «правду формальную», правильность нашей мысли въ формальномъ отношеніи. Можно признавать «необходимые» законы мысли и въ то-же время вовсе не стоять за логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ».

Такимъ образомъ нельзя согласиться съ тѣмъ, будто Лейбницъ, Chr. Wolff и J. G. H. Feder являются представителями крайняго «формализма» въ логикѣ, будто они примыкаютъ въ нашей наукѣ къ направленію «формальному, въ тѣсномъ смыслѣ»¹⁴⁶⁾.

¹⁴⁶⁾ Впрочемъ сдѣлаемъ здѣсь оговорку. Все только что сказанное остается въ своей силѣ только въ томъ случаѣ, если признать, что J. Delboeuf, дѣйстви-

Логика «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», придерживается также А. D. Ch. Twisten¹⁴⁷⁾.—Въ томъ-же направлении¹⁴⁸⁾ пишетъ С. F. Bachmann свою «Систему логики»¹⁴⁹⁾ и Fr. Fischer свой «Учебникъ логики»¹⁵⁰⁾.

тально, стоять всецѣло на почвѣ того раздѣленія, котораго мы придерживаемся при обзорѣ различныхъ взглядовъ на основныя задачи нашей науки. Въ противномъ случаѣ многое пришлось-бы здѣсь измѣнить. Оговорку эту мы дѣлаемъ въ виду того, что нашъ авторъ вообще говоритъ о направленіяхъ въ логикѣ нѣсколько неопредѣленно, а кромѣ того на стр. 30 прим. 1 выше названнаго сочиненія своего называетъ въ числѣ представителей направленія «идеально-реальнаго» Fr. Schleiermacher'a, A. Troxler'a, Ad. Trendelenburg'a, C. Prantl'a и Fr. Ueberweg'a (ср. ниже).

¹⁴⁷⁾ A. D. Ch. Twisten «Die Logik insbesondere die Analytik». Schlesw. 1825. См. «Vorrede» p. XXV—XXVI; *ibid* p. 4—5; *ibid* p. 284—291. Ср. «Vorrede» p. VII—XI; *ibid* p. 1—16.—А. D. Ch. Twisten думаетъ, что логика, собственно, разсматриваетъ условія, при которыхъ наша мысль остается вѣрной себя, послѣдовательной, слѣдовательно (ср. ниже), при которыхъ ей принадлежатъ только «формальная», а не «матеріальная истинность». Но согласіе мыслей нашихъ одной съ другой у него оказывается критеріемъ «матеріальной истинности» (*ibid* p. 284—291), и такимъ образомъ все-же въ концѣ концовъ выходитъ, что онъ логику посвящаетъ разсмотрѣнію формъ, которыя обезпечиваютъ нашей мысли «матеріальную правду», а не «правду формальную» только.

¹⁴⁸⁾ A. D. Ch. Twisten'a, С. F. Bachmann'a и Fr. Fischer'a болѣе частью причисляютъ къ приверженцамъ Канта (ср. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 51—53; M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 36), который (ср. ниже) является основателемъ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ». Но, называя этихъ авторовъ въ числѣ представителей логики «формальной, въ болѣе широкомъ», а не «въ тѣсномъ смыслѣ», мы не хотимъ сказать, будто Кантъ не оказалъ на нихъ никакого вліянія. Быть можетъ, это вліяніе и имѣло мѣсто. Быть можетъ, оно даже достигло весьма высокой степени. Но сказалоcь оно, во всякомъ случаѣ, не въ общемъ взглядѣ на предметъ и задачи науки логики.

¹⁴⁹⁾ С. Fr. Bachmann «System der Logik». Leipz. 1828. См. p. 1—27; *ibid* p. 633—635.

¹⁵⁰⁾ Fr. Fischer «Lehrbuch der Logik für academische Vorlesungen und Gymnasialvorträge». Stuttg. 1838. См. p. 2—12.—Fr. Fischer различаетъ логику и методологию (Methodenlehre). «Логика, читаемъ мы у него, есть наука о естественной законосообразности человѣческаго мышленія вообще; напротивъ, методология—наука, вырабатывающая правила для научнаго мышленія» (*ibid* p. 2). Ниже онъ называетъ «логику»—«чистой логикой», а «методологию»—«прикладной» («reine und angewandte Logik». См. *ibid* p. 8—9). И вотъ, относительно «чистой логики» Fr. Fischer говоритъ такъ: «Ея задача—анализировать механизмъ процесса человѣческой мысли, разложить его на его простѣйшія колеса и движенія и наблюдать, какъ комбинируются эти простѣйшіе элементы» (*ibid* p. 8).

Къ тому-же «формальному, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», направленію¹⁵¹⁾ примыкаетъ и Fr. Ed. Beneke¹⁵²⁾. Впрочемъ послѣдній утверждаетъ, что «логика, во всякомъ случаѣ, съ одной стороны, должна быть ученіемъ о мышленіи (Denklehre), или ученіемъ о совершенствахъ и несовершенствахъ мышленія, какъ дѣятельности субъекта, мыслящаго духа, а съ другой стороны, разрѣшала-бы свою задачу только на половину, еслибы не развивалась въ то же время, какъ ученіе о познаніи и наукѣ (Erkenntnis- und Wissenschaftslehre), или какъ ученіе о совершенствахъ и несовершенствахъ мышленія, поскольку таковое воспринимаетъ объекты и воспроизводитъ ихъ въ истинномъ знаніи» (in richtigen Erkenntnissen)¹⁵³⁾. Уже подобное опредѣленіе нашей науки какъ-бы звучитъ не выполнѣ въ духѣ направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Притомъ Fr. Ed. Beneke различаетъ аналитическое мышленіе (analytisches Denken) и мышленіе синтетическое (synthetisches Denken) и слова «аналитическій», «синтетическій» понимаетъ тутъ въ такомъ-же смыслѣ, какъ и Кантъ, когда тотъ говоритъ объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ¹⁵⁴⁾. «Мышленіе аналитическое», само по себѣ, не прибавляетъ къ тому матеріалу, который уже раньше сдѣлался достояніемъ нашего знанія, ничего. Оно работаетъ лишь надъ уясне-

Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ, «чистая логика» рассматриваетъ такіе процессы мысли, при которыхъ только перерабатывается нѣчто готовое, а не добывается новое знаніе. Возможенъ-ли подобный взглядъ при направленіи «формальному, въ болѣе широкомъ смыслѣ»,—относительно этого см. ниже о логикѣ «аналитическаго мышленія» у Fr. Ed. Beneke и о взглядѣ Herm. Ulrici, будто наша наука занята лишь разсмотрѣніемъ «мысли различающей» (unterscheidende Denkhätigkeit). Впрочемъ Fr. Fischer и самъ, желая пояснить свое опредѣленіе логики, разсуждаетъ о томъ, что такое вообще мышленіе, и приходитъ къ заключенію, будто мышленіе есть «посредственное познаваніе» (vermittelte Erkenntnis),—въ отличіе отъ познаванія непосредственнаго, каковымъ, напримѣръ, оказывается чувственное воспріятіе (ibid. p. 6). Уже это общее понятіе о мышленіи, быть можетъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Fr. Fischer'у чужда точка зрѣнія логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ».

¹⁵¹⁾ Мы здѣсь большей частью не называемъ представителей нашей науки, у которыхъ замѣчается въ логикѣ присутствіе метафизическаго элемента. Рѣчь о нихъ будетъ впереди, хотя-бы ихъ можно было причислить къ послѣдователямъ направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова».

¹⁵²⁾ См. Fr. Ed. Beneke «System der Logik, als Kunstlehre des Denkens» Th. I—II. Brl. 1842.

¹⁵³⁾ Ibid. Th. I p. 8. Cp. ibid. Th. I p. 9—20.

¹⁵⁴⁾ Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 10—14.

ніемъ этого матерьяла и приведеніемъ его въ порядокъ. При «синтетическомъ мышленіи» этотъ матерьялъ растетъ. Таковъ у Fr. Ed. Beneke смыслъ терминовъ «мышленіе аналитическое» и «синтетическое»¹⁵⁵). И «логическимъ» (logisch), «чисто логическимъ» (rein logisch), «собственно логическимъ» (eigentlich logisch) нашъ авторъ постоянно называетъ, именно, «мышленіе аналитическое»¹⁵⁶). Выходить, будто логика изучаетъ исключительно «мышленіе аналитическое», т. е. такое, при которомъ мы ничего новаго не познаемъ, при которомъ дѣло постоянно идетъ лишь объ уясненіи или приведеніи въ порядокъ того, что мы уже въ такой или иной формѣ знали раньше. А если логика, дѣйствительно, трактуетъ только о мышленіи, которое занято выясненіемъ и приведеніемъ въ порядокъ того, что уже извѣстно, а не познаваніемъ новыхъ еще неизвѣстныхъ объектовъ или отношеній между объектами, то наша наука опредѣляетъ нормальныя формы, благоприятствующія лишь подобному выясненію и приведенію въ порядокъ, а не дѣйствительному познаванію истины,—нормы, которыя обезпечиваютъ намъ только формальныя совершенства нашей мысли, только «формальную правду» а не «правду матерьяльную». Въ виду этого казалось-бы, Fr. Ed. Beneke проповѣдуетъ логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ»¹⁵⁷). Однако, на самомъ дѣлѣ, это совсѣмъ не такъ. Пусть, нашъ авторъ, дѣйствительно, ограничиваетъ науку логики разсмотрѣніемъ «аналитическаго мышленія». Въ такомъ случаѣ нормальныя формы, которыя устанавливаетъ у него эта наука, могутъ,—слѣдовало-бы сказать,—лишь усовершенствовать нашу мысль въ формальномъ отношеніи, а не расширить наше знаніе. Но различіе между логикой «формальной, въ болѣе широкомъ», и—«въ тѣсномъ смыслѣ», заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что первая стремится опредѣлить формы, вливаясь въ которыя наша мысль приходитъ къ познанію истины, такъ сказать, работаетъ въ интересахъ познанія истины, логика-же «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», устанавливаетъ нормы, при соблюденіи которыхъ наши разсужденія остаются правильными въ формальномъ отношеніи только,—не

¹⁵⁵) См., напр., въ названномъ только что сочиненіи Fr. Ed. Beneke Th. I p. 255—276.

¹⁵⁶) См. (для примѣра) тамъ-же.

¹⁵⁷) Cp. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 4.

касаясь вовсе вопроса, отступаемъ-ли мы при такихъ разсужденіяхъ отъ истины или нѣтъ. А что мысль наша «совершенствуется лишь въ формальномъ отношеніи» и что таковая «остается правильною лишь въ формальномъ отношеніи», — не одно и то-же. Логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», заботится лишь о томъ, чтобы мышленіе наше съ формальной точки зрѣнія было правильнымъ. Надъ чѣмъ при этомъ наша мысль работаетъ, согласны-ли идеи наши съ истиной или нѣтъ, — этого тутъ не обсуждаютъ вовсе. Предположимъ теперь, что мы задаемся цѣлью усовершенствовать наше мышленіе въ формальномъ отношеніи и не стремимся при этомъ увеличить наши познанія. Здѣсь возможно два случая. Мы можемъ игнорировать содержаніе мыслей, которыя хотимъ усовершенствовать въ формальномъ отношеніи, и не касаться вопроса, согласны-ли эти мысли съ «объективной правдой» или нѣтъ. Если-бы логика ограничилась у насъ подобными разсужденіями, мы могли-бы съ полнымъ правомъ сказать, что мы остались на почвѣ направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ». Но возможенъ и другой случай. Пусть, мы трактуемъ только о томъ, когда мышленіе человѣка приобретаетъ совершенства формальныя, но пусть, мы при этомъ смотримъ не безразлично на то, съ какими мыслями намъ приходится имѣть дѣло, а имѣемъ въ виду исключительно мысли, согласныя уже съ истиной. Тогда логика оказалась-бы у насъ вовсе не «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», а «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». И въ томъ, и въ другомъ случаѣ логика разсуждала-бы только о *лучшихъ формахъ* мысли, а не о томъ, какъ можемъ мы *познать что-либо новое*. Но во второмъ случаѣ дѣло шло-бы о лучшихъ формахъ, въ которыя должна вливаться, именно, мысль, согласная съ «матерьяльной правдой». Мы говоримъ, что логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», стремится установить формы, при которыхъ наша мысль приходитъ къ познанію истины. Въ логикѣ, такъ составленной, мы имѣли-бы предъ собою нормы, которыя должны были-бы обезпечить намъ, правда, не приобретеніе новаго знанія, не познаваніе истинъ еще неизвѣстныхъ, а только правильность нашей мысли въ формальномъ отношеніи. Но во всякомъ случаѣ, придерживаясь такихъ нормъ, мысль наша была-бы правильною не въ отношеніи формъ только: оказались-бы уясненными и приведенными въ порядокъ наши мысли, *согласныя съ истиной*. Въ результатѣ послѣ извѣстнаго рода работы, при которой мы выполняли правила логики, послѣ примѣненія выста-

вленныхъ логикою «аналитическаго мышленія» нормъ мы пришли бы къ идеямъ не только правильнымъ, съ формальной точки зрѣнія, но и согласнымъ съ истиной, — къ идеямъ, и, съ одной стороны, уясненнымъ и приведеннымъ въ порядокъ, т. е. усовершенствованнымъ въ формальномъ отношеніи, и, съ другой стороны, соответствующимъ «матерьяльной правдѣ», ибо умъ нашъ съ самаго начала оперировалъ, именно, надъ такими идеями. Мы такимъ образомъ во второмъ случаѣ имѣли-бы предъ собою, если не все цѣлое науки логики, разработанной въ духѣ направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ отдѣловъ ея, — отдѣлъ, въ которомъ дѣло шло-бы не о познаваніи неизвѣстныхъ еще истинъ, а объ уясненіи и приведеніи въ порядокъ того, что уже удалось узнать. Логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», опредѣляетъ формы мысли, когда таковая согласна съ истиной; логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», устанавливаетъ нормальныя формы, какою-бы мысль наша ни оказалась по своему содержанію, — все равно, согласна-ли она съ истиной или нѣтъ. Въ разбираемомъ случаѣ наша наука занята была-бы разсмотрѣніемъ формъ для мысли *истинной*, и мы не могли-бы видѣть здѣсь направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ». У Fr. Ed. Beneke, еслибы мы признали, будто послѣдній ограничиваетъ логику изученіемъ «мышленія аналитическаго», мы имѣли-бы второй изъ разобранныхъ только что случаевъ. Его «логика аналитическаго мышленія» трактуетъ вовсе не о всякаго рода «мысли аналитической», — все равно, согласны-ли наши идеи съ «матерьяльной правдой» или противорѣчатъ ей. Этотъ отдѣлъ науки логики посвященъ у нашего автора разсмотрѣнію способовъ, прибѣгая къ которымъ можно уяснять и приводить въ порядокъ добытыя, правда не при помощи «анализа», а при помощи «синтеза» мысли, — но не всякаго рода идеи, какъ правильныя, такъ и неправильныя, а лишь мысли, согласныя съ истиной. Сужденіе, умозаключеніе представляетъ, по Fr. Ed. Beneke, актъ «анализа», а не «синтеза»¹⁵⁸). Такъ сказать, по величинѣ своей наше знаніе остается при такихъ процессахъ неизмѣннымъ. Но о какихъ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ говоритъ Fr. Ed. Beneke? Развѣ онъ имѣетъ въ виду всякаго рода сужденія и умозаключенія, каково-бы ни было ихъ

¹⁵⁸) Fr. Ed. Beneke «System der Logik, als Kunstlehre des Denkens». Th. I—II. Brl. 1842. Th. I p. 100—252; ibid. Th. I p. 256—258.

содержаніе, согласно-ли послѣднее съ «объективной правдой» или нѣтъ? Конечно, у нашего автора рѣчь идетъ только о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, при которыхъ мы имѣемъ дѣло съ идеями истинными. Идеи эти вырабатываются, благодаря «синтезу», а не «анализу», но, когда Fr. Ed. Beneke разсуждаетъ объ «аналитическомъ мышленіи», онъ всегда говоритъ о нормальныхъ формахъ для «анализа» идей, правильно напередъ уже при помощи «синтеза» выработанныхъ,—для идей, согласныхъ съ «матерьяльной правдой». И его ученіе объ «аналитическомъ мышленіи» не есть сборникъ правилъ относительно того, какъ сообщить всякаго рода мысли совершенную форму, какъ выработать мысль, совершенную въ формальномъ только отношеніи, а комплексъ предписаній, какъ мысли, вѣрной уже по содержанію, придать совершенную форму. Итакъ, еслибы, говоримъ мы, Fr. Ed. Beneke, дѣйствительно, ограничился «логикой аналитическаго мышленія», и въ такомъ случаѣ мы не имѣли-бы основаній назвать его направленіе «формальнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ». На самомъ дѣлѣ, нашъ авторъ и этого ограниченія вовсе не допускаетъ. Мы видѣли, что онъ называетъ «логическимъ», «чисто логическимъ», «собственно логическимъ» только «мышленіе аналитическое»,—въ отличіе отъ «синтетическаго». Но, съ другой стороны, онъ считаетъ необходимымъ говорить въ своей «Системѣ логики» объ «основныхъ синтетическихъ отношеніяхъ» (die synthetischen Grundverhältnisse) и посвящаетъ разсмотрѣнію таковыхъ весьма много страницъ. Пользуясь терминами «аналитическій» и «синтетическій», можно было-бы сказать, что Fr. Ed. Beneke называетъ логическимъ только «мышленіе аналитическое», но въ то-же время считаетъ необходимымъ, чтобы логика трактовала и о «мышленіи синтетическомъ». Какъ, именно, онъ высказывается относительно формъ «синтетической мысли»,—это обстоятельство въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія. Для насъ важенъ только фактъ, что нашъ авторъ разсуждаетъ и о «синтетическомъ мышленіи», т. е. о такомъ, которое, по его ученію, доставляетъ намъ новое знаніе. Fr. Ed. Beneke такимъ образомъ не ограничивается разсмотрѣніемъ формальныхъ совершенствъ человѣческой мысли: онъ разсуждаетъ также о «мышленіи синтетическомъ»,—мышленіи, которое приводитъ насъ къ новому знанію,—о мысли человѣка, какъ таковая познаетъ истину. Мы только что сказали, что «логику аналитическаго мышленія» у Fr. Ed. Beneke нельзя признать за «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ». Мы только что сказали, что, еслибы онъ, дѣйствительно, ограничилъ нашу науку «ло-

гикой аналитическаго мышленія», и тогда у него нельзя было-бы видѣть направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ». Но подобнаго ограниченія предмета логики мы у нашего автора не встрѣчаемъ. И мы можемъ, съ другой стороны, сказать, что, еслибы его «логика аналитическаго мышленія» и была, дѣйствительно, «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и въ такомъ случаѣ его «Система логики» не относилась-бы къ сочиненіямъ, которыя вообще составлены въ духѣ этого послѣдняго направленія. «Формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», оказалась-бы здѣсь только извѣстная часть логики вообще, а не все цѣлое этой науки. Всѣмъ-же прочимъ отдѣламъ принадлежало-бы направленіе «формальное, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова»¹⁵⁹). Итакъ, повторяемъ, къ послѣдова-

¹⁵⁹) Мы видѣли, что, по Fr. Ed. Beneke (ibid. Th. I p. 8), «логика, во всякомъ случаѣ, съ одной стороны, должна быть ученіемъ о мышленіи (Denklehre), или ученіемъ о совершенствахъ и несовершенствахъ мышленія, какъ дѣятельности субъекта, мыслящаго духа, а съ другой стороны, разрѣшала-бы свою задачу только на половину, еслибы не развивалась въ то-же время, какъ ученіе о познаніи и наукѣ (Erkenntniss- und Wissenschaftslehre), или какъ ученіе о совершенствахъ и несовершенствахъ мышленія, поскольку таковое воспринимаетъ объекты и воспроизводитъ ихъ въ истинномъ знаніи» (in richtigen Erkenntnissen). Можно было-бы предположить, что Fr. Ed. Beneke раздѣляетъ логику на два отдѣла, изъ которыхъ первый (Denklehre) написать въ духѣ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», а второй (Erkenntniss- und Wissenschaftslehre) — «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Но и такое предположеніе опять таки было-бы неправильнымъ. Не будемъ говорить о томъ, что названія для различныхъ отдѣловъ логики нашъ авторъ избираетъ другія (а не Denklehre и Erkenntniss- und Wissenschaftslehre). На 6—8 стр. онъ разсуждаетъ о томъ, въ какомъ направленіи должна логика вести свои изслѣдованія: «въ объективномъ» или «субъективнымъ», «слѣдуетъ-ли смотрѣть на нее, какъ на ученіе о познаніи и наукѣ (Erkenntniss- und Wissenschaftslehre) или только какъ на ученіе о мышленіи (blosse Denklehre)», ибо мы можемъ говорить о «мышленіи по отношенію къ тому, что мыслится и познается, и по отношенію къ мыслящему духу... Совершенства и несовершенства въ обоихъ случаяхъ бывають нерѣдко непараллельными... Стоить только остановиться на схоластикахъ. Никто не станетъ отрицать, что они въ субъективномъ отношеніи, или какъ мыслители (als Denker), отчасти достигли высочайшихъ совершенствъ.... Но какъ мало подвинули они истинную науку!... Съ другой стороны (примѣровъ этому можно найти безчисленное множество въ обыденной жизни), истинное (объективно) познаніе возможно при весьма низкомъ развитіи мышленія... Но, если такимъ образомъ совершенства двухъ родовъ и развиваются нерѣдко въ разрѣзъ одни съ другими, то, съ другой стороны, столь-же неопровержимо, что мышленіе и познание (das Denken und die Erkenntniss) стоятъ въ весьма тѣсной связи одно съ другимъ и что цѣль, къ которой мышленіе наше должно стремиться, только тогда можно считать достигнутой, когда въ мысли предметы поняти, сообразно съ правдой. Мышленіе должно, какъ это признають всѣ, слу-

телями направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», примыкаетъ и Fr. Ed. Beneke ¹⁶⁰).

Въ духѣ направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», пишетъ J. H. Fichte ¹⁶¹), который хочетъ, чтобы логика у него «научно разсматривала, какъ наше сознание постепенно развивается въ мысль и какъ сознание уже въ мысли развивается дальше, и такимъ образомъ обозрѣвала, въ какомъ отношеніи можетъ стоять наша мысль къ правдѣ» ¹⁶²). — Того-же направленія ¹⁶³) придерживается и Herm. Lotze ¹⁶⁴). Послѣдній говоритъ: «Логика непременно должна быть формальной въ томъ смыслѣ, что она есть ученіе объ операціяхъ мысли, благодаря которымъ (т. е., операціямъ) субъектъ приспособляетъ свои мысли къ познанию (seine Gedanken zum Erkennen vorbereitet); но она не должна быть формальной въ томъ смыслѣ, будто формы мысли (Denkformen) представляютъ нѣчто, напередъ уже фактически данное (ein factisch Vorhandenes), что не стоитъ въ непосредственной связи съ задачей познать

жизнь цѣлымъ познаниемъ. Слѣдовательно, чтобы избѣжать одностороннихъ взглядовъ, мы не должны упускать изъ виду, что достиженіе цѣли при познании и достиженіе цѣли при работѣ мысли нельзя разсматривать отдѣльно одно отъ другаго и что, дѣйствительно, совершенную мысль даже и въ томъ случаѣ, если мы такую будемъ разсматривать, просто какъ продуктъ нашего духа, мы имѣемъ только тамъ, гдѣ наша мысль въ то-же время овладѣла истиной и создала истинную науку». И вотъ, только послѣ этихъ разсужденій Fr. Ed. Beneke въ концѣ концовъ утверждаетъ, что логика должна быть ученіемъ о мышленіи (Denklehre), но въ то-же время и ученіемъ о познаніи и наукѣ (Erkenntniss- und Wissenschaftslehre). Очевидно такимъ образомъ, что и въ своемъ «ученіи о мышленіи» Fr. Ed. Beneke всегда имѣетъ въ виду не нормальныя формы мышленія, разсматриваемаго безотносительно, лишь съ точки зрѣнія «субъективной», независимо отъ того, согласны-ли наши идеи съ «объективной правдой» или нѣтъ, а нормальныя формы для мысли, непременно согласующейся съ истиной. А потому его «ученіе о мышленіи» (Denklehre) и нельзя разсматривать, какъ такой отдѣлъ, который буд-то-бы составленъ въ духѣ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ».

¹⁶⁰) Ср. ниже.
¹⁶¹) J. H. Fichte «Grundzüge zum Systeme der Philosophie. Erste Abth. Das Erkennen als Selbsterkennen». Heid. 1833.

¹⁶²) Исходи изъ такого взгляда на логику J. H. Fichte вноситъ въ нашу науку разсужденія психологическія. При этомъ J. H. Fichte особенно часто пользуется излюбленными терминами J. G. Fichte (Фихте Старшаго), такъ что на первый взглядъ кажется, будто мы имѣемъ предъ собой повтореніе метафизическаго ученія этого послѣдняго.

¹⁶³) Ср. Joh. H. Loewe «Lehrbuch der Logik». Wien 1881. «Vorwort» p. V.

¹⁶⁴) Herm. Lotze „Logik“. Leipz. 1843; „System der Philosophie. I Th. Logik“. 2te Aufl. Leipz. 1880.

реальное» ¹⁶⁵⁾. И вотъ, его большее сочиненіе по логикѣ озаглавляется: «Logik. Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen» ¹⁶⁶⁾. — На точку зрѣнія логики «формальной, въ

¹⁶⁵⁾ Herm. Lotze «Logik». Leipz. 1843 p. 13. Ср. „System der Philosophie. I Th. Logik“. 2-te Aufl. Leipz. 1880. „Vorwort“ p. V—VI.

¹⁶⁶⁾ И у Herm. Lotze въ его «System der Philosophie. I Th. Logik» (2-te Aufl. Leipz. 1880) мы встрѣчаемъ разсужденія, о которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ, ибо послѣднія могутъ вызывать сомнѣнія относительно направленія нашего автора въ логикѣ. Мы говоримъ о томъ мѣстѣ, гдѣ дѣло идетъ о раздѣленіи логики на отдѣлы. Первый отдѣлъ о мышленіи (vom Denken) Herm. Lotze называетъ «чистой» или «формальной логикой» (reine oder formale Logik, только «reine Logik» не въ Кантовскомъ смыслѣ). Отдѣлъ этотъ долженъ быть посвященъ «мышленію вообще и тѣмъ основнымъ формамъ и основнымъ законамъ его (Grundformen und Grundsätze), которые остаются въ силѣ вездѣ, независимо отъ разнообразныхъ объектовъ мысли, и при обсужденіи дѣйствительности, и при соображеніяхъ относительно возможнаго» (p. 12; ср. p. 13). Въ отличіе отъ «логики чистой», «логика прикладная» (angewandte Logik) разсматриваетъ методы изслѣдованія (ibid. p. 13). Что Herm. Lotze самъ не стремится стать на почву логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», въ этомъ мы убѣдились. Рѣчь можетъ здѣсь идти только о томъ, не уклоняется-ли онъ въ приведенномъ мѣстѣ отъ того направленія, которое онъ себѣ избралъ, отъ направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Еслибы «чистая логика» у Herm. Lotze была, дѣйствительно, «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и тогда мы не имѣли-бы права сказать, что нашъ авторъ примкнулъ къ этому послѣднему направленію, ибо въ его «System der Philosophie. I Th. Logik» (2-te Aufl. Leipz. 1880) мы находимъ не только «чистую логику», но и «логику прикладную»; «прикладная-же логика» явно написана въ духѣ направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», а не—«въ тѣсномъ смыслѣ». Но и «чистая логика» у Herm. Lotze не «формальна, въ тѣсномъ смыслѣ». Разницу между «логикой чистой» и «прикладной» нашъ авторъ видитъ не въ томъ, будто первая принимаетъ въ расчетъ лишь совершенства формъ мысли, а приходитъ-ли наша мысль, вливаясь въ нормальныя формы, къ познанію истины или нѣтъ, это обстоятельство игнорируетъ тогда какъ «логика прикладная» устанавливаетъ нормы, соблюдая которыя мысль наша достигаетъ познанія истины: какъ «чистая логика», такъ и «прикладная» одинаково преслѣдуютъ эту послѣднюю задачу. Только «чистая логика» трактуетъ о нормальныхъ формахъ, приложимыхъ всюду, къ какой-бы области наши разсужденія ни относились; между тѣмъ «логика прикладная» говоритъ о *методахъ изслѣдованія* и принимаетъ въ соображеніе, именно, то обстоятельство, какіе вопросы мы обсуждаемъ (у Канта термины «reine und angewandte Logik» имѣютъ, какъ мы сказали, иное значеніе. Но и у него «reine und angewandte Logik» одинаковы по своему общему направленію. У Herm. Lotze, какъ «reine», такъ и «angewandte Logik» оказываются написанными въ духѣ направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова»; по идеѣ Канта, и «reine» и «angewandte Logik» должны раздѣлять направленіе «формальное, въ тѣсномъ смыслѣ». См. Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 76—79).

болѣ широкомъ значеніи этого слова», склоненъ, повидимому, стать и Herm. Ulrici ¹⁶⁷⁾. Какъ мы уже говорили, онъ разсуждаетъ о спорѣ между формальной, т. е. «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», и метафизической логикой ¹⁶⁸⁾. Оба направленія онъ считаетъ нежелательными ¹⁶⁹⁾ и рѣшается придерживаться середины между однимъ и другимъ ¹⁷⁰⁾—Въ томъ-же «формальномъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ», направленіи составлены руководства L. Strümpell'я ¹⁷¹⁾ и Fr. Dittes'a ¹⁷²⁾.—Въ томъ же духѣ написаны сочине-

¹⁶⁷⁾ Herm. Ulrici «System der Logik». Leipz. 1858.

¹⁶⁸⁾ Ibid. «Vorwort» p. III.

¹⁶⁹⁾ Ibid. p. 74—81.

¹⁷⁰⁾ Ibid. p. 80—81; ср. ibid. «Vorwort» p. IV—V.—На стр. 81 Herm. Ulrici говоритъ противъ «того субъективнаго формализма (subjective Formalismus), согласно съ которымъ логическія функціи имѣютъ силу, только какъ формы нашей мысли, и, слѣдовательно, только для нашего мышленія субъективно». Ср. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 68—69; Joh. H. Loewe «Lehrbuch der Logik». Wien 1881. «Vorwort» p. V.—Что касается мнѣнія Herm. Ulrici («System der Logik». Leipz. 1858 p. 58—81), будто логика разсматриваетъ только «мышленіе различающее» (unterscheidende Denkhätigkeit),—въ отличіе отъ «производящаго» (producirende), то по поводу этого взгляда можно—mutatis mutandis—повторить тѣ замѣчанія, которые мы сдѣлали относительно «логики аналитическаго мышленія» у Fr. Ed. Beneke (ср. выше). «Формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», логика оставляетъ вопросъ о томъ, согласна-ли наша мысль съ «объективной правдой» въ сторонѣ и разсуждаетъ о безотносительныхъ совершенствахъ и несовершенствахъ формъ мысли. Логика „формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“, всегда имѣетъ въ виду этотъ вопросъ. «Различающая мысль», по Herm. Ulrici, и «аналитическое мышленіе», по Fr. Ed. Beneke, оперируетъ надъ идеями, вѣрными по своему содержанію, согласными съ «матеріальной правдой». А потому, если бы логика ограничилась разсмотрѣніемъ формъ «мысли различающей» или, положимъ, «аналитической», она все-же осталась-бы «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», а не обратилась-бы въ «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ». Можно скорѣе упрекнуть Herm. Ulrici въ томъ, что послѣдній вообще суживаетъ логику, чѣмъ сказать, будто онъ является приверженцемъ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ». Ср. ibid. p. 75; ibid. p. 77—79.

¹⁷¹⁾ L. Strümpell «Grundriss der Logik oder der Lehre vom wissenschaftlichen Denken». Leipz. 1881. См. p. 4—6.—M. Katzenberger утверждаетъ, будто «Strümpell философствовалъ относительно логики въ Herbart'овскомъ духѣ» («Wissenschaft vom logischen Denken». I Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 37—38), а этотъ послѣдній «со всей рѣшительностью настаиваетъ на томъ, чтобы формальный характеръ логики былъ удерживаемъ во всей его чистотѣ» (ibid. p. 37). Говоря такъ о L. Strümpell'ѣ, M. Katzenberger ссылается на его сочиненіе: «Entwurf der Logik». Mitau und Leipz. 1846, котораго мы въ сожалѣнію подъ руками не имѣемъ. Мы пользуемся только сочиненіемъ L. Strümpell'я „Grundriss der Logik oder der Lehre vom wissenschaftlichen Denken“.

нія R. Zimmermann'a ¹⁷³) и М. А. Drbal'я ¹⁷⁴).—Къ послѣдователямъ интересующаго насъ направленія слѣдуетъ причислить и С. Prantl'я ¹⁷⁵), на сочиненіе котораго: «Geschichte der Logik im Abendlande» (Bde I—IV. Leipz. 1855—1870), намъ уже приходилось ссылаться.—М. Katzenberger ¹⁷⁶) различаетъ два логическихъ направленія новаго времени: «чисто формальное и спекулятивное, реальное или онтологическое» — съ ихъ подраздѣленіями ¹⁷⁷), и хочетъ избрать средину между этими двумя направленіями ¹⁷⁸).—Здѣсь-же мы должны назвать Herm. Wolff'a ¹⁷⁹),

Leipz. 1881. Въ предисловіи къ этому послѣднему нашъ авторъ, правда, говорить (см. «Vorwort» p. V), что во вновь предлагаемое руководство внесены изъ сочиненія: «Entwurf der Logik», Mitau und Leipz. 1846, нѣкоторые отдѣлы (einige Stücke), изложеніе которыхъ онъ вполне оправдываетъ (deren Darstellung er, sc. der Verfasser vollständig billigt). Но обо всемъ прочемъ, что составляетъ «Entwurf der Logik», L. Strümpell здѣсь умалчиваетъ.

¹⁷²) Fr. Dittes «Lehrbuch der Psychologie und Logik». 8-te Aufl. Leipz. u. Wien 1882. См. p. 169—172.

¹⁷³) R. Zimmermann «Philosophische Propädeutik». 3-te Aufl. Wien 1867. См. p. 8—9. На стр. 14-ой встрѣчается у R. Zimmermann'a раздѣленіе логики на «allgemeine oder reine und besondere oder angewandte Logik». Термины «reine und angewandte Logik» употребляются здѣсь въ томъ-же смыслѣ, какъ у Herm. Lotze (см. выше примѣч. 166-е).

¹⁷⁴) М. А. Drbal «Darstellung der wichtigsten Lehren der Menschenkunde, Seelen- und Denklehre. In drei Theilen. 2-er Th. Praktische Logik oder Denklehre». Wien 1872. См. p. 4—7. М. А. Drbal говорить: „Цѣль логики не въ томъ, чтобы обогатить наше знаніе, а въ томъ, чтобы внести въ наши мысли свѣтъ, порядокъ и связность“. Какъ такое мнѣніе вяжется съ направленіемъ «формальнымъ», въ болѣе широкомъ значеніи этого слова,—см. то, что сказано выше о Fr. Ed. Beneke и Herm. Ulrici.—Fr. Ueberweg («System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 51—53) говорить о М. А. Drbal'ѣ, какъ объ одномъ изъ такихъ ученыхъ, которые примкнули въ логикѣ къ Канту.

¹⁷⁵) С. Prantl «Verstehen und Beurtheilen». Münch. 1877. См. p. 2—4. Ср. Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 69—70. Ср. также L. Rabus «Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und die logische Frage». Erl. 1880 p. 147—149.

¹⁷⁶) М. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken» I Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858.

¹⁷⁷) Ibid. p. 25; ibid. p. 38; ibid. p. 53. Ср. выше.

¹⁷⁸) Ibid. p. 53—66.—Мы причисляемъ М. Katzenberger'a къ приверженцамъ направленія „формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“. „Можно, говоритъ онъ, во всякомъ случаѣ, назвать логику „формальной“ или формальной наукой (Man kann die Logik allerdings „formal“ oder eine formale Wissenschaft nennen), но только по отношенію къ ея содержанію вообще. Если

если мы, конечно, не будемъ обращать вниманія на то, что по-

несомнѣнно, что она разсматриваетъ общую форму, неизмѣнный способъ, *какъ* всѣ люди должны мыслить все мыслимое, то эта обязательная законосообразность, это ненарушимое для мыслительной дѣятельности «какъ» и составляетъ ея содержаніе» (ibid. p. 55—56). Итакъ, формальна, по М. Katzenberger'y, логика всегда. Но она можетъ быть, какъ выражается нашъ авторъ, «субъективной» и «объективной». «Можно логику назвать субъективной и объективной, но только по отношенію къ значенію ея содержанія, именно, сообразно съ тѣмъ, будемъ-ли мы придавать ея содержанію, формѣ или всеобщему «какъ» логическаго мышленія челоуѣка, только субъективное или также и объективное значеніе, другими словами, какое мы установимъ отношеніе между нормами и формами мысли, съ одной стороны (Denknormen und Denkformen), и нормами и формами бытія (Daseinsnormen und Daseinsformen),—съ другой, раздѣлимъ-ли мы, во первыхъ, таковыя и объявимъ вещь въ себѣ за недостижимую для мышленія или, во вторыхъ, будемъ, таковыя отождествлять (vereinerleiten, identificirt), или, въ третьихъ, признаемъ за основаніе для того, чтобы объяснить наше правильное мышленіе, только единство или соотвѣтствіе между формами и нормами мысли и формами и нормами бытія и будемъ разбирать послѣднія основанія такой гармоніи. Но это, какъ основной пунктъ (Kernpunkt), должно выясниться изъ всего изложенія (aus der ganzen Deduktion). Здѣсь нельзя ничего предположить напередъ» (ibid. p. 57). Такимъ образомъ, по М. Katzenberger'y, мы, опредѣляя въ концѣ концовъ отношеніе между формами мысли и формами бытія, рѣшаемъ, какое значеніе выставленныя въ логикѣ нормальныя формы имѣютъ при познаваніи объективной истины, и только въ одномъ случаѣ эти формы могутъ оказаться имѣющими лишь значеніе «субъективное» и не обезпечивающими „матеріальной правды“,—это, если мы прійдемъ къ выводу, что „предметъ въ себѣ“ непознаваемъ, т. е. если мы въ нѣкоторой мѣрѣ усвоимъ себѣ скептическую точку зрѣнія. Логика „формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“, какъ мы уже не разъ говорили, опредѣляетъ формы, при которыхъ наша мысль приходитъ къ познанію истины. Понятно, что мы должны были-бы объявить логику вообще невозможной, еслибы мы сказали, что невозможно истинное познаваніе вообще. Скептицизмъ ведетъ къ отрицанію логики „формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“. Предположимъ теперь, мы разработали науку логики, не вхоли напередъ въ обсужденіе разнаго рода вопросовъ теоріи познанія, и старались при этомъ придерживаться направленія „формальнаго, въ болѣе широкомъ смыслѣ“. Намъ пришлось-бы сказать, что всѣ выставленныя нами нормы сохраняютъ свое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если познать истину вообще возможно, если скептическихъ взглядовъ, на самомъ дѣлѣ принять нельзя; иначе нормальнымъ формамъ мышленія можно приписать только значеніе „субъективное“; иначе выполненіе предписаній логики лишь обезпечиваетъ извѣстныя формальныя совершенства мысли, а не расширять наше знаніе. Такъ и хочеть, повидимому, поставить дѣло М. Katzenberger. А потому мы и говоримъ, что оныя принадлежатъ къ послѣдователямъ направленія „формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова“. Только, трактуя о познаваніи истины, нашъ авторъ, повидимому, имѣетъ въ виду исключительно познаваніе «вещей въ себѣ», ноуменовъ (das Ding an sich), а не всякаго рода познаваніе.

¹⁷⁹⁾ Herm. Wolff «Handbuch der Logik». 2-te Aufl. Leipz. 1888. См., напр.,

слѣдній объявляетъ логику за одинъ изъ отдѣловъ психологіи ¹⁸⁰⁾, а языкознаніе рассматриваетъ, какъ дальнѣйшую ступень въ развитіи нашей науки ¹⁸¹⁾, J. Bergmann'a ¹⁸²⁾, W. Schuppe ¹⁸³⁾, G.

р. 21—33.—Самое опредѣленіе логики (ibid. p. 1) составлено въ такихъ общихъ терминахъ, что по немъ судить о направленіи Herm. Wolffa нельзя.

¹⁸⁰⁾ ibid. p. 1.

¹⁸¹⁾ Ibid. p. 1 Anm. Ср. выше примѣч. 67-е.

¹⁸²⁾ J. Bergmann «Allgemeine Logik. I Th. Reine Logik». Berl. 1879. См. «Vorwort» p. VI; ibid. p. 1—10; ibid. p. 14—20.—Что касается встрѣчающагося у J. Bergmann'a раздѣленія логики на «reine und angewandte», то нашъ авторъ самъ говорить объ этомъ слѣдующее: «Логика есть теорія искусства мыслить (Theorie der Denkkunst), ученіе объ искусствѣ мышленія (Kunstlehre des Denkens). Всеобщая логика (allgemeine Logik) трактуетъ объ искусствѣ мышленія вообще,—мышленія, какъ таковое остается одинаковымъ по отношенію ко всемъ своимъ областямъ,—въ противоположность частной логикѣ (besondere Logik), которая есть ученіе объ искусствѣ мышленія, направленнаго на извѣстныя отдѣльныя области, напр., мышленія естествонаучнаго» (ibid. p. 1). Дѣятельность мысли всегда имѣетъ опредѣленную цѣль—выработать идеи вѣрныя (wahre Gedanken). Но можно рассматривать мышленіе по отношенію къ его непосредственнымъ цѣлямъ или,—имѣя въ виду цѣли дальнѣйшія. Въ первомъ случаѣ мы разрабатывали-бы «reine Logik», во второмъ—«angewandte Logik» (ibid. p. 20). Работа мысли утверждаетъ J. Bergmann, всегда сводится къ составленію сужденій (ibid. p. 1—2). Непосредственная цѣль при всякой операціи мысли—выработать правильную идею чрезъ единичный актъ составленія сужденія. Съ другой стороны, составляя сужденія, мы можемъ имѣть въ виду и цѣль не непосредственную. Можно стремиться не только къ тому, чтобы выработать себѣ въ данномъ случаѣ идею правильную, но и къ тому, чтобы такимъ путемъ способствовать установленію, положимъ, цѣлаго ряда истинъ, способствовать вообще дальнѣйшему расширенію нашего знанія. И нашъ авторъ утверждаетъ, что «первая часть логики трактуетъ о нормальныхъ формахъ сужденія, а вторая—о нормальныхъ формахъ приложенія нормальныхъ формъ сужденія при (дальнѣйшемъ) расширеніи нашихъ познаній» (ibid. p. 20). Въ виду этого терминъ «reine Logik» не долженъ насъ наводить на мысль, будто J. Bergmann (по крайней мѣрѣ, въ первой части «всеобщей логики» — въ «чистой логикѣ») склоненъ стать на почву направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ». Ср. выше примѣч. 166-е и 173-е.

¹⁸³⁾ W. Schuppe «Erkenntnisstheoretische Logik». Bonn 1878. См. p. 1—25 и дальше.—«Das Kartesische Wahrheitskriterium, говоритъ W. Schuppe, ist bekanntlich für die Praxis nicht verwendbar, weil eben dem Dümmden alles klar zu sein pflegt, aber es ist theoretisch durchaus wahr, weil die Unwahrheit sich auf irgend einem Punkte als Unklarheit zeigen muss. Setzen wir die feinste Empfindlichkeit für jede Dunkelheit und jeden Widerspruch voraus, so ist absolute Klarheit auch absolute Wahrheit und schliesst selbstverständlich als ihre thatsächliche Bedingung auch die absolute Vollständigkeit menschenmöglicher Wahrnehmung ein» (ibid. p. 672—673). Въ виду такого критерія истины могло-бы казаться, что W. Schuppe говорить только о «субъективной правдѣ». Но насколько-бы ни

Neudecker'a ¹⁸⁴), Fr. Harms'a ¹⁸⁵) и Th. G. Masaryk'a ¹⁸⁶).

Такое-же направлѣніе замѣчается у I. Watts'a ¹⁸⁷), а также въ «Элементахъ логики» Р. Уэтли ¹⁸⁸).

Приверженцами интересующаго насъ направлѣнія являются J. Simon ¹⁸⁹) и B. St. Hilaire ¹⁹⁰).—Можно указать здѣсь также на L. Liard'a ¹⁹¹) и Em. Charles'a ¹⁹²).

былъ субъективнымъ подобный критерій, это — критерій «истинности матерьяльной», а не—«формальной» только.

¹⁸⁴) G. Neudecker «Grundlegung der reinen Logik». Würzb. 1882. См. p. 1—6 и дальше.—То, что мы въ предшествующемъ примѣчаніи сказали, можно было-бы повторить и по поводу слѣдующихъ словъ G. Neudecker'a:... «dass also Wahrheit und Unwahrheit unterschieden wird, dieses Unterscheiden, als Vehikel der Erkenntniss hat seinen Grund im Ich. Dieses Psychologische ist der Anfang des Logischen. Das Denken nun kann nur ein Mittel zur Erkenntniss sein, inwiefern es durch die Breite des Bewusstseinsinhalts, der in sich ununterschieden eben nur Vorgestelltes wäre, die Unterscheidung des Wahren vom Unwahren durchführt. Dies kann nur in der Ausscheidung des nicht bloss Vorgestellten bestehen, die offenbar, da mit Ausnahme des Ich aller Bewusstseinsinhalt an sich nur Vorgestelltes ist, mittels Zurückführung desselben auf das Ich verwirklicht werden muss. Mit dem Namen der Denkgesetzlichkeit wollen wir vorläufig die allgemeine weiter zu untersuchende Form bezeichnen, in welcher jene Zurückführung sich vollzieht; in dieser selbst aber müssen wir das spezifische Wesen des Denkens erblicken» (ibid. p. 20).

¹⁸⁵) Fr. Harms «Logik». Leipz. 1886. См. p. 61—113. Ср. ibid. p. 1—60; «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1881 p. 1—3, а также статью: «Die Reform der Logik». Brl. 1874.—Ср. ниже.

¹⁸⁶) Th. G. Masaryk «Versuch einer concreten Logik». Wien 1887. См. p. 9—10; ibid. p. 202—218.—Th. G. Masaryk хочетъ выработать «eine concrete Logik», гдѣ дѣло шло-бы о «Classification und Organisation der Wissenschaften». На указанныхъ стран. мы встрѣчаемъ лишь общія разсужденія о наукѣ логики.

¹⁸⁷) I. Watts «Logique ou le légitime usage de la raison dans la recherche de la vérité», trad. par. M. E. Jouffroy. Par. 1846. См. p. 1—6.

¹⁸⁸) R. Whately «Elements of Logic». Reprinted from the ninth (octavo) edition. Lond. 1875. См. «Preface» p. VII—XXII; ibid. p. 1—2; ibid. p. 7—14; ibid. p. 103—106.

¹⁸⁹) A. Jacques, J. Simon, Ém. Saisset «Manuel de philosophie à l'usage des colléges». 2-me éd. Par. 1847. См. p. 183—208.

¹⁹⁰) B. St. Hilaire „Logique“ („Dictionnaire des sciences philosophiques“ par une société de professeurs et de savants. T. III. Par. 1847). См. p. 602—607.—Правда, B. St. Hilaire настаиваетъ на томъ, что логика должна быть вполне формальной (ibid. p. 606). Но мы у него читаемъ: «Въ сущности онъ (т. е., умъ человеческій—l'esprit) не можетъ имѣть иного интереса, кромѣ интереса истины. Логика, конечно, не въ состояніи *дать* нашему уму истину; она даже не можетъ сказать, какъ *достигнуть* истины; но она можетъ сказать нашему уму, *по какимъ признакамъ узнать истину*. Если логика этого не выполняетъ, она, очевидно, чрезвычайно далека отъ того, чтобы выполнять свою задачу» (ibid. p. 607). «Въ ло-

Въ Русской литературѣ по логикѣ мы встрѣчаемъ направленіе «формальное, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», сравнительно весьма часто. Въ духѣ этого направленія пишетъ П. Лодій¹⁹³⁾, который говоритъ, что «объясненіе качества, свойствъ, дѣйствованій и цѣли разумѣнія составляетъ предметъ логики (умословія)» и что эта наука «есть совокупность правилъ, руководствующихъ разумѣніемъ въ размышленіи, познаваніи и различеніи истиннаго отъ ложнаго»¹⁹⁴⁾, С. Борзцовскій¹⁹⁵⁾, С. Додаевъ-Магарскій¹⁹⁶⁾, Ор. Новицкій¹⁹⁷⁾ и Н. Рождественскій¹⁹⁸⁾.—

ликъ (ibid. p. 607) основная задача для ума человѣческаго заключается въ томъ, чтобы познать специальную форму, которую принимаетъ разсудокъ, когда онъ принаправляется къ истинному (au vrai), къ необходимому (au nécessaire), къ вѣчному (à l'éternel).

¹⁹¹⁾ L. Liard «Logique». Par. 1884. См. p. 1—3 и дальше.

¹⁹²⁾ Em. Charles «Éléments de philosophie». Т. II. «Logique. Morale. Éléments de métaphysique». Par. 1885. См. p. 1—5 и дальше.

¹⁹³⁾ П. Лодій «Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго». Спб. 1815.

¹⁹⁴⁾ Тамъ-же стр. 9. Ср. тамъ-же стр. 70—77; тамъ-же стр. 307—310.

¹⁹⁵⁾ С. Борзцовскій «Краткое руководство къ логикѣ». Спб. 1821. Определеніе логики см. стр. 4—9.

¹⁹⁶⁾ С. Додаевъ-Магарскій «Курсъ философіи. Часть первая. Логика». Спб. 1827. См. стр. 5—8.—С. Додаевъ-Магарскій, очевидно, подчиняется въ нѣкоторой мѣрѣ вліянію Кантовскихъ идей (Ср. тамъ-же стр. 21—22); но въ концѣ концовъ онъ все-же становится на почву логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова».—Что касается мнѣнія его, будто логика «не ведетъ къ истинѣ непосредственно, а только учить изъ данной истины выводить слѣдствія безъ противорѣчій и замѣшательства» и будто «она готовымъ матеріаломъ можетъ сообщить надлежащую форму, образовать изъ нихъ цѣлое» (тамъ-же стр. 8), см. выше то, что сказано относительно взглядовъ Fr. Ed. Beneke и Herm. Ulrici.

¹⁹⁷⁾ Ор. Новицкій «Руководство къ логикѣ». Кіевъ 1841; «Краткое руководство къ логикѣ съ предварительнымъ очеркомъ психологіи». Кіевъ 1844.—Ор. Новицкій объявляетъ, будто логика составлена у него, по Фридр. Фишеру. Придерживается нашъ авторъ, говоримъ мы, направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». См. въ первомъ изъ названныхъ только что сочиненій стр. 8—14; во второмъ—стр. 62—64.—«Раздѣляется, говоритъ Ор. Новицкій, логика на чистую или, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, логику и на прикладную или методологію. Первая часть есть наука о законахъ естественнаго, общечеловѣческаго мышленія, а послѣдняя—о правилахъ научнаго мышленія» («Руководство къ логикѣ». Кіевъ 1841 стр. 8). Очевидно, раздѣленіе логики на «чистую» и «прикладную» не должно наводить насъ на мысль, будто нашъ авторъ примыкаетъ къ послѣдователямъ направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ».

¹⁹⁸⁾ Н. Рождественскій «Руководство къ логикѣ съ предварительнымъ изложеніемъ психологическихъ свѣдѣній». 5-е изд. Спб. 1844. См. стр. 59—62.—Что

Наконецъ, такой-же характеръ носить сочиненіе проф. В. Карпова: «Систематическое изложеніе логики»¹⁹⁹⁾.

Н. Рождественскій стоитъ на почвѣ логики „формальной, въ болѣе широкомъ“, а не „въ тѣсномъ смыслѣ“, видно уже изъ слѣдующихъ его словъ: „§ 76. V. Раздѣленіе логики. Человѣкъ сперва начинаетъ *познавать* нераздѣльные предметы (individua) посредствомъ чувствъ. Изъ *познаній*, доставляемыхъ чувствами, разумъ образуетъ понятія“... (тамъ-же стр. 61). И только послѣ такихъ разсужденій онъ переходитъ, собственно, къ вопросу о раздѣленіи логики

¹⁹⁹⁾ Проф. В. Карповъ „Систематическое изложеніе логики“. Слб. 1856.— Проф. В. Карповъ предлагаетъ слѣдующее опредѣленіе: „...логика есть наука, показывающая, какія формы можетъ принимать наше мышленіе при всякой данной матеріи, чтобы потомъ видѣть, какія изъ возможныхъ формъ оно должно принять въ извѣстномъ случаѣ,—согласно съ направленіемъ силъ души, стремящихся *познать* какой-нибудь предметъ и проявить свое знаніе о немъ“ (тамъ-же стр. 3).